

Н. БЕРДЯЕВ

ЦАРСТВО ДУХА
И
ЦАРСТВО КЕСАРЯ

YMCA-PRESS
ПАРИЖ

Н. БЕРДЯЕВ

ЦАРСТВО ДУХА

И

ЦАРСТВО КЕСАРЯ

YMCA-PRESS

ПАРИЖ

Copyright 1951 by YMCA-PRESS.
Société à responsabilité limitée, Paris.
Tous droits réservés.

О т

И з д а т е л ь с т в а

Выпуск этого последнего написанного Николаем Александровичем Бердяевым произведения мог быть осуществлен благодаря стараниям небольшой группы друзей этого большого мыслителя. Оригинал рукописи, представлявший собой черновик, который Николай Александрович не успел переписать набело, был так неразборчив (как видно из приложенной репродукции), что потребовалась кропотливая работа четырех разных лиц, близко связанных с покойным Николаем Александровичем, чтобы тщательно разобрать рукопись и приготовить ее к печати. Эта группа состояла из следующих лиц: Евгении Юдифовны Рапп, Тамары Федоровны Клепининой, Юрия Павловича Казачкина и Сергея Павловича Жабы, которым Издательство приносит искреннюю благодарность.

[illegible]

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ:

Борьба за истину

Мы живем в эпоху, когда истину не любят и ее не ищут. Истина все более заменяется пользой и интересом, волей к могуществу. Нелюбовь к истине определяется не только нигилистическим или скептическим к ней отношением, но и подменной ее какой-либо верой и догматическим учением, во имя которого допускается ложь, которую считают не злом, а благом. Равнодушие к истине уже и ранее определялось догматической верой, не допускавшей свободного искания истины. Наука развивалась в европейском мире, как свободное исследование и искание истины, независимо от ее выгоды и полезности. Но потом и наука стала превращаться в орудие антирелигиозных догматических учений, напр., марксизма, или технической мощи. Если наша эпоха отличается исключительной лживостью, то ложь эта особенная. Утверждается ложь, как священный долг во имя высших целей. Зло оправдывается во имя добра. Это, конечно, не ново. История всегда любила оправдывать зло для своих высших целей (хитрость разума у Гегеля). Но в наше время это приняло огромные размеры. Философски довольно новым является то, что по-

шатнулась самая идея истины. Правда, предшественниками в этом отрицании истины были древние софисты. Но они быстро были побиты Платоном, Аристотелем, Платином, т. е. на вершинах греческой мысли. Взгляды эмпириков и позитивистов на истину были противоречивы и неопределенны, но в сущности они также признавали ее несомненность, как и противоположные философские направления, для которых истина была абсолютной. Сомнение в старом понимании истины началось в прагматической философии, но она не отличалась радикализмом и имела преходящее значение. Гораздо более глубокое значение имеет потрясение истины у Маркса и Ницше, хотя это потрясение произошло у них в противоположных направлениях. У Маркса утверждается исторический релятивизм истины, как орудия борьбы классов, на почве диалектики, взятой у Гегеля. Диалектическая ложь, широко практикуемая марксистами на практике, оправдывается диалектическим материализмом, который, в глубоком противоречии со своими философскими основами, признается наконец открытой абсолютной истиной. И к этой открытой марксистами истине существует догматическое отношение, напоминающее отношение католической церкви к своей догматической истине. Но марксистская философия, которая есть философия *praxis*, признает истину орудием борьбы революционного пролетариата, у которого истина иная, чем у классов буржуазных, даже когда речь идет об истинах наук о природе. Ницше понял истину, как выражение борьбы за волю к могуществу, как творимую ценность, истина подчиняется созданию расы сверхчеловеческой. Иррациональная философия жизни в сущ-

ности истиной не интересуется, но в этой философии есть доля истины, той истины, что познание есть функция жизни. Более интересная экзистенциальная философия, чреватая будущим, склонна утверждать не старое объективированное понимание истины, а субъективно-экзистенциальное. Но это не означает отрицания истины. У Киркегардта в субъективном и индивидуальном открывается абсолютная истина. Новейшие течения экзистенциальной философии очень противоречивы в отношении к истине. Гейдеггер, которого нельзя признать экзистенциальным философом, в своей брошюре, посвященной проблеме истины, склоняется к онтологическому и объективному пониманию истины. Но это классическое понимание истины выражено в новой терминологии и носит своеобразный и более утонченный характер. В конце концов непонятно, почему человек (*Dasein*) может у него познавать истину. Опора истины на свободу противоречит онтологическому пониманию истины, при котором центр тяжести лежит в открывающемся сущем. В отличие от других экзистенциалистов, Гейдеггер держится за старое понимание истины, но по-новому выраженное. В широких философских наивных кругах торжествует релятивизм и историзм, в которых есть доля правды по сравнению со старым статическим пониманием истины, но есть еще большая доля коренной лжи. Историзм не в состоянии понять смысл истории, ибо вообще отрицает смысл. В политике, которая в наше время играет господствующую роль, обычно говорят не об истине и лжи, не о добре и зле, а о "правости" или "левости", о "реакционности" или "революционности", хотя такого рода критерий начинает терять всякий

смысл. Тот хаос, в который сейчас ввергнут мир и за ним мысль, должен был бы привести к пониманию неразрывной связи истины с существованием Логоса, смысла. Диалектика теряет всякий смысл, если нет Смысла, Логоса, который должен победить в диалектическом развитии. Вот почему диалектический материализм есть противоречие в терминах. Историческое развитие, которое порождает релятивизм, невозможно, если нет Логоса, Смысла исторического развития. Смысл этот не может заключаться в самом процессе развития. Мы увидим, что старое, статическое, объективированное понимание истины ложно и вызвало реакцию, дошедшую до отрицания истины. Но и при субъективно-экзистенциальном, динамическом понимании истины она остается вечной и получает иной смысл. В конце концов на большей глубине открывается, что Истина, целостная истина есть Бог, что истина не есть соотношение или тождество познающего, совершающего суждение субъекта и объективной реальности, объективного бытия, а есть вхождение в божественную жизнь, находящуюся по ту сторону субъекта и объекта. Научное познание обычно определяют, как познание того или иного объекта. Но это определение не доходит до глубины и приспособлено к условиям нашего объективированного мира. Но в глубине и самое позитивное, точное научное познание природного мира заключает в себе отблеск Логоса.

Старая традиционная точка зрения признает объективный критерий истины. Истина почти отождествляется с объективностью. Этот объективизм в понимании истины и истинного познания свойствен совсем не только так называемому наивному реализму, который отвергается большей

частью философских направлений. Преобладает всетаки понимание познания, как соответствия "объективной" реальности, которая открывается. Критика Канта разрывает с такого рода объективизмом и видит истину в соответствии разума с самим собой, она определяется отношением к законам разума и согласованием мыслей между собой. Но Кант все же держится за объективизм, за общеобязательность, связанную с трансцендентальным сознанием. Понятия субъективного и объективного остаются у Канта противоречивыми и недостаточно выясненными. Неокантианство школы Виндельбанда, Риккерта и Ласка считает истину ценностью, но дает этому ложное истолкование в духе не творческого нормативизма. Гуссерль движется в направлении объективного идеализма сознания, своеобразного платонизма, оторванного от платоновских мифов. С властью объективизма, в реалистической или идеалистической форме, порывает лишь экзистенциальная философия, хотя она и принимает разные направления и может срываться в новую форму объективизма, как напр. у Гейдеггера при освобождении от старой терминологии. Только у Киркегардта истина в субъективности и индивидуальности, но это не получает у него философского обоснования. Нужно прежде всего сказать, что истина не есть соответствие в познающем объективно данной реальности. Никто никогда не объяснил, как реальность бытия может переходить в идеальность познания. Когда я говорю, что передо мной стол, то это есть некоторая частная истина, но нет соответствия между этим столом и моим утверждением, что это стол. Это скромное узвание стола имеет прежде всего прагматическое значение. Су-

существуют ступени познания истины, зависящие от ступеней общности людей и их общности с мировым целым. Но истина не есть также соответствие разума с самим собой и своими общеобязательными законами. Истина, которой должны быть соподчинены все частные истины, не отвлеченно-разумна, а духовна. Дух же находится по ту сторону рационализированного противоположения субъекта и объекта. Истина не есть пребывание в замкнутой мысли, в безвыходном круге сознания, она есть размыкание и раскрытие. Истина не объективна, а транссубъективна. Вершина познания есть не выход через объективацию, а выход через трансцендирование. Средне - нормальное сознание приспособлено к состоянию объективированного мира. И логическая общеобязательность познания носит характер социологический. Я не раз писал уже, что познание зависит от духовной общности людей. Для духовной общности людей высокой ступени раскрывается истина, которая есть трансцендирование объективного, вернее объективированного мира. То, что называют "бытием", не есть последняя глубина. Бытие есть уже продукт рациональной мысли, оно зависит от состояния сознания и состояния мира. Глубже бытия духовное существование или духовная жизнь, которой принадлежит примат над бытием. Целостная истина есть не отражение или соответствие реальности мира, а торжество смысла мира. Смысл же не есть торжество логики, приспособленной к падшему миру и сдавленной логическими законами, прежде всего законом тождества. Божественный Логос торжествует над бессмысленностью объектного мира. Истина есть торжество Духа. Целостная истина

есть Бог. И лучи этой целостной, божественной, логосной Истины падают и на научное, частичное познание, обращенное к данной, объектной мировой действительности. Раскрытие Истины есть творческий акт духа, человеческий творческий акт, творческий акт, преодолевающий рабство у объектного мира. Познание активно, а не пассивно. Феноменология в сущности требует пассивности познающего, считая активность психологизмом. Вот почему феноменологию Гуссерля нужно признать неблагоприятной для экзистенциальной философии. Признание творчески-активного характера познания совсем не означает идеализма, скорее наоборот.

Познание истины есть не выработка рациональных понятий, а прежде всего оценка. Истина есть свет Логоса, возгоревшийся в самом бытии, если употреблять традиционную терминологию, или в глубине существования, или жизни. Единая целостная Истина разбивается на множество истин. Сфера, освещенная единым лучом света (отдельная наука), может отрицать источник света, Логос — Солнце, но она не могла бы получить освещения без этого единого источника света. Все познающие в разных сферах познания, признают логику и ее законы, почитаемые непреложными, но могут отрицать Логос, целостный духовный Разум-Слово. Между тем, как законы логики, закон тождества и закон исключения третьего, означают необходимые приспособления к условиям нашего падшего мира, дух находится в сфере, которая по ту сторону законов логики, но в Духе есть свет Логоса. Я уже много раз писал о социологическом характере логической общеобязательности и соответствии этой общеобяза-

тельности и убедительности ступеням духовной общности. Не хочу сейчас повторять сказанного. Но вот что особенно важно установить. Ни материализм, ни феноменализм (в разных типах позитивизма), ни экзистенциализм типа Гейдеггера, не могут обосновать самого возникновения проблемы Истины. Сейчас особенно важен Гейдеггер. Совершенно непонятно, как человек (*Dasein*) может высвиться над низостью мира, выйти из царства *das Man*. Для этого в человеке должно быть высшее начало, возвышающее его над данностью мира. Экзистенциалисты антирелигиозного типа так низко мыслят о человеке, так понимают его исключительно снизу, что остается непонятным самое возникновение проблемы познания, возгорание света Истины. Как бы мы ни мыслили о человеке, мы поставлены перед тем, что человек и познает свет истины и ввергается во тьму ошибок и заблуждений. Почему возможна трагедия познания, почему свет Логоса не всегда освещает познавательный путь человека, как существа духовного, превышающего мир? Познание не есть только интеллектуальный процесс, в нем действуют все силы человека, волевое избрание, притяжение и отталкивание от истины. Декарт понимал зависимость ошибок от воли. Совершенно ошибочен взгляд прагматизма, что истина есть полезное для жизни. Истина может быть вредна для устройства обыденной жизни. Христианская Истина могла быть даже очень опасна, от нее могли рухнуть все государства и цивилизации. И потому чистая истина христианства была приспособлена к обыденной человеческой жизни и искажена, было исправлено дело Христа, как говорит Великий Инквизитор у Достоевского. Если мы верим в спасительность Истины,

то совсем в другом смысле. По отношению к Истине происходит разделение “божьего” и “кесарева”, духа и мира. На совершенно другом конце, в точных науках о природном мире, мы сейчас встречаемся с настоящей трагедией ученого. Физика и химия XX века делает великие открытия и приводит к головокружительным успехам техники. Но эти успехи ведут к истреблению жизни и подвергают опасности самое существование человеческой цивилизации. Таковы работы над разложением атома и изобретение атомической бомбы. Наука раскрывает, если не Истину, то истины, а современный мир ввергается во все большую и большую тьму. От целостной Истины человек отпадает и раскрывающиеся ему отдельные истины не помогают ему. При ложном делении мира на две части, которое вызывает необыкновенную лживость, научные открытия и технические изобретения представляют страшную опасность все новых и новых войн. Химики могли бескорыстно открывать истину, хотя и частную, но получилась атомическая бомба, которая грозит гибелью. Это происходит в царстве Кесаря. Спасти может только свет целостной Истины, который раскрывается в Царстве Духа.

Если мы отвергаем так называемый объективный критерий истины, и в смысле реализма наивного, и в смысле реализма рационалистического, и в смысле идеализма трансцендентально-критического, то совсем не для того, чтобы утверждать “субъективность” произвольную, “психологизм” в гуссерльском смысле слова, в противоположность глубокой реальности. Глубокая реальность рас-

крывается в субъективности, субъективности стоящей вне объективации. Истина субъективна, а не объективна, она объективируется в соответствии с миром необходимости, с царством "Кесаря", в приспособлении к дробности и дурной множественности данного мира. "Субъективность" противоположная истине и глубокой реальности, "субъективность" замкнутая, неспособная к трансцендированию, к выходу из себя и есть как раз определяемость извне. Человек закупоренный в себе и есть существо несвободное, не определяемое глубиной, а определяемое извне мировой необходимостью, в которой все разорвано, враждебно одно другому, выпало из глубины, т. е. не духовно. Когда экзистенциалисты Гейдеггер, Сартр и др. говорят о выброшенности человека (Dasein) в мир и обреченности человека к этому миру, то они говорят об объективации, которая делает судьбу человека безысходной, выпавшей из глубокой реальности. Об этом почти невозможно спорить, это есть дело последнего свободного избрания. Я не называю такую философию экзистенциальной, потому что она находится во власти объектности. Разница этой философии со старой классической онтологической философией в том, что она встречается с объективностью абсурдного, бессмысленного мира, в то время как первая думала, что она встречается с объективностью разума и смысла бытия. Это есть очень серьезный кризис философской мысли. Но и та и другая направленность остается во власти объектности. Объективация создает разные миры, обладающие большей или меньшей степенью реальности или призрачности. Ошибочно думать, что человечество живет в одном и том же объективном, данном извне мире. Человек живет в разных, часто

фиктивных мирах, не соответствующих, если их взять в отдельности, сложной и многообразной действительности. Доля фиктивности и фантастичности определяется степенью исключительной сосредоточенности на одном, вытесняющем все остальное. Универсализм в самом восприятии мира есть явление очень редкое. В разных мирах живут служители культа и теологи, ученые и изобретатели, политические деятели, социальные реформаторы и революционеры, писатели и деятели искусства, люди деловые, поглощенные хозяйством и т. д. Эти люди часто совершенно неспособны понять друг друга. Восприятие мира также зависит от верований людей и идеологических направлений, они иные у католика или марксиста, у либерала или социалиста, у материалиста или спиритуалиста и т. д. Иной также мир воспринимается в зависимости от классов, иным он представляется капиталисту, рабочему или интеллигенту. Люди чаще, чем думают, живут в царстве абстракций, фикций, мифов. Самые рациональные люди живут мифами. Самый рационализм есть один из мифов. Рациональная абстракция легко превращается в миф. Например, марксизм насыщен абстракциями, превращенными в мифы. Человеческое сознание подвижно, оно суживается или расширяется, оно сосредоточивается на одном или рассеивается. Средненормальное сознание есть одна из абстракций. Разум рационализма есть один из мифов. Якобы героизм и бесстрашие отказа от всякой веры в высший, духовный, божественный мир, от всяких утешений есть также один из мифов нашего времени, одно из самоутешений. Человек есть существо бессознательно хитрое и не вполне "нормальное", и он легко обманывает себя и других, более всего

самого себя. Создание особенного мировоззрения, часто иллюзорного мировоззрения в зависимости от направленности сознания, имеет характер прагматический, которого не имеет познание истинной реальности.

Русские социологи 70-х годов XIX века, критиковавшие натурализм в социальных науках, утверждали субъективный метод в социологии и этим вызывали насмешки марксистов, которые считали себя объективистами, хотя и ошибочно *). Классовая точка зрения также есть субъективный метод в социологии. Русские "субъективисты" в социологии не могли философски обосновать своей точки зрения, потому что были позитивистами, позитивизм тогда господствовал. Но в субъективном методе в социологии была несомненная правда. Более того, можно было утверждать субъективный метод в философии вообще. Экзистенциальная философия есть субъективный метод в философии, она утверждает познание мира в человеческом существовании и через человеческое существование, она антропоцентрична. И совершенно напрасно будут возражать против этого, называя это психологизмом. Психологизм остается натуралистическим направлением. Уже с большим основанием это можно назвать этицизмом, но и это не верно. Этицизм не есть цельная, интегральная точка зрения, которая духовна и судит из глубины духовности, открывающейся в человеческом существовании. Дух находится по ту сторону обычных споров субъективизма и объективизма. Оценка есть путь познания так называемых наук о духе, но эта оценка отражается на дух, а не на

*) Н. Михайловский и П. Лавров.

сферу объективации, которая существует не только в явлениях природы, но и в явлениях психических и социальных. Исторический мир или, вернее, исторические миры, которые познаются из объекта, имеют дело уже с объективацией. Подлинная философия истории, которая освобождена от объективации, мессианична и профетична, т. е. духовна. В познании духовном, глубинно экзистенциальном, раскрываются Истина и Смысл. Объективное познание знает только царство Кесаря и не знает царства Духа. Ставится острый, предельный вопрос: существует ли подлинная, не объектная, не иллюзорная и не фиктивная реальность? Она, конечно, есть, но она не "объективна", она и не "субъективна" в дурном смысле слова, она по ту сторону уже вторичного разделения и противопоставления субъекта и объекта, по индуистской терминологии она есть атман и брагман. Все предполагает эту реальность, без которой мы погружены в иллюзорное царство, в фактумы "объективации", в призрачную власть объектности, что и есть субъективизм в дурном смысле слова. Мы живем в значительной степени в иллюзорном мире "объективном", созданном ложным направлением субъекта, попавшем в рабство объектной необходимости. Все религии боролись против этого рабства и сами потом создавали новое рабство объективации. В основании философии, которая принадлежит царству Духа, а не царству Кесаря, лежит пережитый духовно-религиозный опыт, а не только опыт Кирхегардта и Ницше, как хочет Ясперс. Этим я несколько не отрицаю огромного значения Кирхегардта и Ницше.

Экзистенциалисты новой формации могут сказать, что моя философская точка зрения пред-

полагает миф о Боге и миф о Духе. Пусть это назовут мифом. Меня это мало беспокоит. Это есть самый универсальный и целостный из мифов. Но вот что самое главное. Это есть также миф о существовании Истины, без которого трудно говорить об истине чего бы то ни было, не только об Истине, но и об истинах. Реальность мифа о Боге, о Духе, об Истине нельзя доказать и не нужно. Это дело последнего избрания и предполагает свободу. Я имею основание считать себя экзистенциалистом, хотя в большей степени мог бы назвать свою философию философией духа и еще более философией эсхатологической. Но вот в чем мое радикальное различие от нынешних экзистенциалистов. Они считают, что достоинство человека в бесстрашном принятии смерти, как последней истины. Человек живет, чтобы умереть, его жизнь есть жизнь к смерти. Уже Фрейд считал инстинкт смерти самым благородным в человеке, о котором он мыслил очень низко. Гейдеггер в сущности в смерти и видит единственное настоящее торжество над низменным *das Man*, т. е. видит в ней большую глубину, чем в жизни. Человек есть конечное существо, в нем не раскрывается бесконечность и смерть принадлежит к его структуре. Сартр и Симон де Бовуар готовы видеть в смерти положительные достоинства. Мне представляется эта современная направленность поражением духа, упадочностью, смертобожничеством. Бесспорно достоинство человека в бесстрашии перед смертью, в свободном принятии смерти в этом мире, но для окончательной победы над смертью, для борьбы против торжества смерти. Все религии боролись против смерти. Христианство же есть религия воскресения по преимуществу. Современному направлению, признав-

шему торжество смерти последним словом жизни, нужно противопоставить очень русские мысли Н. Федорова, великого борца против смерти, признававшего не только воскресение, но и активное воскрешение. Экзистенциалисты выше марксистов, потому что для них все-таки существует проблема смерти, которая не существует для марксистов. Для марксистов погружение в коллектив и активность в нем уничтожает самый вопрос о смерти. Но при всей жалкости этого решения, у них все-таки нет обоготворения смерти. Если нет воскресения всех живших к вечной жизни, нет бессмертия, то мир абсурден и бессмыслен. Экзистенциалисты сегодняшнего дня видят эту абсурдность и бессмысленность мира. Сартр хочет найти выход в признании свободы человека, которая не определяется его свободой. Человек есть низменное существо, но через свободу он может создать себя иным, может создать лучший мир. Это должно было бы заставить Сартра признать идеальное, духовное начало в человеке. Без этого признания экзистенциалисты должны впасть в материализм, хотя бы и рафинированный. Можно было бы сопоставить мысли Сартра, Камю и др. с трагическим гуманизмом Герцена, для которого мир был случаен и бессмыслен, но человек был свободным существом и мог создать лучший мир. Но у Герцена, как потом у Ницше, было религиозное мучение, которого не видно у экзистенциалистов новейшей формации. Более глубокая истина заключается в том, что мир не бессмыслен и абсурден, но находится в бессмысленном состоянии. Этот мир, мир являющийся нам, есть мир падший, в нем торжествует абсурдная и бессмысленная смерть. Иной мир, мир смысла и свободы, раскрывается лишь в

духовном опыте, который отрицают современные экзистенциалисты. Нужно видеть абсурдность и бессмысленность мира, в котором мы живем, и вместе с тем верить в дух, с которым связана свобода, и в смысл, который победит бессмыслицу и преобразит мир. Это будет торжеством царства Духа над царством Кесаря, торжеством Истины не только над ложью, но и над частичными, дробными истинами, претендующими на руководящее значение.

Нет ничего выше искания Истины и любви к ней. Истина, единая цельная Истина есть Бог и познание Истины есть вхождение в божественную жизнь. Подмена единой, цельной, освобождающей Истины маленькими частными истинами, претендующими на универсальное значение, ведет к идолопоклонству и рабству. На этой почве возникает сиентизм, который совсем не есть наука. Все частичные истины означают приобщенность, хотя бы и не осознанную, к единой, верховной Истине. Познание Истины не может быть только человеческим познанием, но не может быть и только божественным познанием, как напр., в монистическом идеализме Гегеля, оно может быть только богочеловеческим познанием. Познание Истины есть творческая активность человека, который несет в себе образ и подобие Божие, т. е. включает в себе и божественный элемент. Этот божественный элемент есть Божье Другое. Познание Истины, к которому стремится философия, невозможно через отвлеченный разум, оперирующий понятиями, оно возможно только через духовно целостный разум, через дух и духовный опыт. Западно-европейская мысль бьется в противоречиях рационализма и иррационализма, которые одинаково яв-

ляются результатами рассечения духовной целостности. В этом бьется и экзистенциальная философия. Это особенно обнаруживается у Ясперса. Приходят к тому, что философское познание должно быть экзистенциально, но оно невозможно, потому что познающий разум не может познавать существования, которое никогда не может быть объектом. Но познание существования вне объективации возможно через Дух, возможно духовное познание, которое на вершинах всегда существовало, оно было еще в древней Индии. Духовное познание есть богочеловеческое познание, познание не разумом и не чувством, а целостным Духом. Отрицание богочеловеческого познания Истины ведет к подмене Истины пользой, интересом, волей к могуществу. Познание Истины есть преображение, просветление мира, а не отвлеченное познание, в нем теория и практика совпадают. В человеке есть активное, творческое начало, с которым связано познание. Это активное начало есть духовное начало. Познание включает в себе элемент теургический. И потому человек может готовить царство Духа, а не только царство Кесаря. Когда в прошлом философы говорили о врожденных идеях, то благодаря статическому характеру их мышления, они плохо выражали истину об активном духе в человеке и человеческом познании. Без допущения этой активности духа в человеке ничего нельзя понять в человеке, нельзя даже допустить его возможности. Поразительно, что человек не настолько раздавлен дурной бесконечностью мира, чтобы лишиться возможности познания Истины. Не только рассудок, но и разум не мог бы открыть возможность познания истины, это де-

дает исключительно дух. По гречески *νοῦς* есть не только разум, но и дух. Дух не находится в противоположении рационального и иррационального. Настоящая экзистенциальная философия есть философия духа.

Современная философия имеет тенденцию к отрицанию дуализма двух миров, мира нуменального и мира феноменального, который восходит к Платону. Эта тенденция отнюдь не нова, она свойственна феноменализму, эмпиризму, позитивизму, имманентному монизму, материализму, свойственна Ницше и современным экзистенциалистам, и мн. др. Сейчас это принимает более утонченные формы. Думаю, что тут мы имеем основное противоположение двух типов философии — довольствующейся данным миром и трансцендирующей его. Но что может означать дуализм двух миров и как согласовать с ним научное познание? Прежде всего нужно совершенно отстранить онтологический дуализм и всякое употребление статического понятия субстанции. Это совсем не есть дуализм духа и материи, духа и тела, который мы находим в школьных спиритуалистических направлениях. Вопрос ставится о двух **состояниях** мира, которые соответствуют двум разным структурам и направлениям сознания, прежде всего дуализма свободы и необходимости, внутренней соединенности и разъединенности и вражды, смысла и бессмыслицы. Мы живем в мире необходимости, разъединенности и вражды, абсурда и бессмыслицы. Но мир не исчерпывается этим состоянием, которое есть состояние падшести, возможно другое состояние мира и оно требует иного сознания. Да и нет основания утверждать, что существует только один мир. Важнее же всего сознать, что дух совсем не

есть реальность, сопоставимая с другими реальностями, напр., с реальностью материи; дух есть реальность совсем в другом смысле, он есть свобода; а не бытие, качественное изменение мировой данности, творческая энергия, преображающая мир. Еще нужно сказать, что нет духа без Бога, как первоисточника. Духовный опыт человека, на котором только и может быть основана метафизика, есть единственное доказательство существования Бога. Мир необходимости, отчуждения, абсурдности, конечности, вражды — есть мир суженного сознания, выброшенного на поверхность, для которого закрыта бесконечность. Существуют еще другие планы мировой жизни, которые могут раскрыться лишь измененному сознанию. В этом правы оккультисты. Мир, единый мир Божий, многопланен. Но как согласовать с этим возможность научного познания? Это нисколько не затрудняет науки в точном смысле слова и не создает никакого конфликта. Наука познает реальный мир в том состоянии, в котором он находится, и она не виновна в падшести мира. Наука ищет истины и в ней отражается Логос. Но она имеет определенные границы, и есть вопросы, которые она не может не только решать, но и ставить. Конфликт создается ложными притязаниями науки на верховенство над человеческой жизнью, на способность авторитетно разрешать вопросы религии, философии, морали, на способность давать директивы для творчества духовной культуры. Это действительно создает конфликт, но не точная наука. Никакая наука не может ничего сказать о том, существуют ли или не существуют иные миры. Если наука отрицает иные миры, то только потому, что ученый, исключительно погруженный в этот данный

ему мир, не имеет свободы духа, необходимой для признания других планов мира. Сиентизм проповедует рабство миру. Нужно сказать, что и ортодоксальная теология считает нужным отрицать существование множества планов мира и тоже проповедует рабство миру. Учение Оригена о множестве миров было осуждено. Это имеет тот же источник. Таким образом, дробная истина выдает себя за единую Истину, которая раскрывается лишь неустанному углублению и расширению сознания, т. е. возрастанию духовному. Данный мир, этот мир, частичен, как частичен день нашей жизни.

ГЛАВА I.

Человек и Бог. Духовность

Человек стоит перед вопросом всех вопросов — вопросом о Боге. Вопрос этот редко ставится в чистоте и изначальноности, он слишком сросся с мертвящей схоластикой, с вербальной философией, с игрой понятиями. Те, которые хотели возвысить идею Бога, страшно принизили ее, сообщив Богу свойства, взятые из царства Кесаря, а не царства Духа. Нет гарантий существования Бога, всегда человек может сомневаться и отрицать. Бог не принуждает себя признать, как принуждают материальные предметы, Он обращен к свободе человека. Вера в Бога есть лишь внутренняя встреча в духовном опыте. Нужно решительно признать, что все традиционные доказательства бытия Божьего — онтологические, космологические и физико-теологические — не только несостоятельны, но и совершенно ненужны, скорее даже вредны. Критика КаКнта этих доказательств бытия Божия очень убедительна и не опровергнута традиционной апологетикой. Гораздо сильнее доказательство, которое можно было бы назвать антропологическим. Оно состоит в том, что человек есть существо принадлежащее к двум мирам и не вмещающееся в

этом природном мире необходимости, трансцендирующее себя, как существо эмпирически данное, обнаруживающее свободу, из этого мира невыводимую. Это не доказывает, а показывает существование Бога, так как обнаруживает в человеке духовное начало. Еще важнее первоощущение, которое не может быть как следует выражено. Если вы на мгновение представите себе самодостаточность мира, напр. самодостаточность движущейся материи, как первоосновы, то вы поражаетесь непонятностью, бессмысленностью, тьмой, нереализуемостью в мысли такого мира. Несомненный результат размышлений о Боге: о Боге нельзя мыслить рациональными понятиями, которые всегда взяты из этого мира, на Бога не похожего. Правда была лишь на стороне апофатической теологии. Невозможно строить онтологию Бога. Бог не есть бытие, которое всегда есть уже обработка отвлеченной мысли. Бог есть не бытие, Бог есть Дух. Бог есть не эссенция, а экзистенция. О Боге можно говорить лишь языком символики духовного опыта. Да и вообще метафизика возможна лишь как символика духовного опыта, как интуитивное описание духовных встреч. Нельзя отвлеченно ставить вопрос о Боге, отвлеченно от человека. Существование человека, взятого в глубине, а не в поверхности, есть единственное свидетельство существования Бога, так как человек есть отображение образа Бога, хотя часто и искажающее этот свой образ. Человек есть не только конечное существо, как хочет утверждать современная мысль, он есть также бесконечное существо, он есть бесконечность в конечной форме, синтез бесконечного и конечного. Недовольство человека конечным, устремленность к бесконечному, есть

обнаружение божественного в человеке, человеческое свидетельство о существовании Бога, а не только мира. Понимание Бога, как самодостаточного и бездвижного существа, есть ограниченная и отвлеченная рациональная мысль, такое понимание не дано в духовном опыте, в котором отношения с Богом всегда драматичны. Человек встречается с Богом не в бытии, о котором мыслят в понятиях, а в духе, в духовном опыте. В бытии есть уже объективация, или мертвящая отвлеченность понятия, или идеализированная природная необходимость и социальное принуждение. Лишь встреча в духе есть встреча в свободе. Лишь в духе и свободе встреча с Богом есть драматическое событие.

Отношения человека и Бога парадоксальны и совсем не поддаются выражению в понятии. Бог рождается в человеке и человек этим подымается и обогащается. Такова одна сторона богочеловеческой истины, она раскрывается в опыте человека. Но есть другая сторона, менее раскрытая и ясная. Человек рождается в Боге и этим обогащается божественная жизнь. Есть нужда человека в Боге и есть нужда Бога в человеке. Это предполагает творческий ответ человека Богу. Отношения между Богом и человеком можно понимать лишь драматически, т. е. динамически. Бога нельзя мыслить статически. Статическое понимание рационально и экзотерично. Символика Библии в высшей степени драматична и динамична. Статическая онтология взята из греческой философии. Допущение существования двух природ — божественной и человеческой — которые могут быть соединены, но не

тождественны и не слиянны, есть истина непонятная объективирующему разуму, сверхразумная, ибо разум сам по себе склонен или к монизму или к дуализму. Тайна христианства, рационализировано раскрывающаяся в теологических системах, связана с этим парадоксальным и драматическим отношением божественного и человеческого. Парадокс в том, что высшая человечность божественна и вместе с тем это есть обнаружение человека и человечности. Это представляющееся разуму противоречие рационально непреодолимо. Можно было бы сказать, что Бог человечесен, человек же бесчеловечен. Поэтому по настоящему существует только бого-человеческая человечность. Основная проблема есть проблема Бого-человека и Бого-человечества, а не Бога. Утверждение Бога вне богочеловечности, т. е. отвлеченный монотеизм, есть форма идолопоклонства. Отсюда огромное значение учения о Троичности Божества, которое нужно понимать прежде всего мистически, в терминах духовного опыта, а не рационально-теологически. Великие германские мистики дерзновенно говорили, что нет Бога без человека, что Бог исчезает, когда исчезает человек (особенно Экхардт и Ангелус Силезиус). Это нужно понимать духовно, а не в терминах натуралистической метафизики и натуралистической теологии. Это опыт любви, а не понятие. Основным противоположением для нас должно быть не схоластическое противоположение естественного и сверхъестественного, незнакомое греческим учителям церкви, а противоположение естественного и духовного. Есть два понимания трансцендентного: или Бог, как трансцендирование моей ограниченности, как таинственная, актуальная бесконечность, предполагающая боже-

ственный элемент в самом человеке, — или Бог, как внешняя для человека онтологическая реальность, предполагающая отчужденность человеческой природы, ее внебожественность. Не идолопоклонническим, духовным является лишь первое понимание. Совершенно ложна и унизительна часто повторяемая идея, что перед Богом человек ничто. Наоборот, нужно говорить, что перед Богом, в обращенности к Богу, человек подымается, он высок, он побеждает ничто. Рациональные онтологические учения об отношениях между Богом и человеком нестерпимы, такие построения имеют лишь педагогически-социальный смысл для христианской общины. Более всего нужно отрицать распространенный в теологических учениях взгляд, что Бог есть причина мира, первопричина. Но причинность и причинные отношения совершенно неприменимы к отношениям между Богом и миром, Богом и человеком. Причинность есть категория, применимая лишь к миру феноменов, и совершенно неприменимая к миру нуменальному. Это достаточно выяснено Кантом, хотя он был непоследователен, признавая причинные отношения между вещью в себе и явлением. Бог не есть причина мира. Можно еще сказать, что Бог есть основа мира, творец мира, но и эти слова очень несовершенны. Нужно освободиться от всякого социоморфизма и космоморфизма. Бог не есть сила в природном смысле, действующая в пространстве и времени, не есть господин и правитель мира, не есть и самый мир или сила, разлитая в мире. Лучше можно сказать, что Бог есть Смысл и Истина мира, Бог есть Дух и Свобода. Если мы говорим в противоположность пантеистическому монизму, что Бог есть личность, то понимать это нужно совсем

не в ограниченном природно-человеческом смысле, а в духовном смысле конкретного образа, с которым возможно для нас личное общение. Встреча и общение с Богом возможно не как общение с Абсолютным, для которого не может быть другого, не может быть отношения, не с Богом апофатической теологии, а с конкретным личным Богом, имеющим отношение к другому. Мир без Бога есть непреодолимое противоречие конечного и бесконечного, лишен смысла и случаен.

Человек не может быть самодостаточен, это означало бы, что его нет. В этом тайна человеческого существования: оно доказывает существование высшего, чем человек, и в этом достоинство человека. Человек есть существо, преодолевающее свою ограниченность, трансцендирующее к высшему. Если нет Бога, как Истины и Смысла, нет высшей Правды, все делается плоским, нет к чему и к кому подыматься. Если же человек есть Бог, то это есть самое безнадежное, самое плоское и ничтожное. Всякая качественная ценность уже показывает, что в человеческом пути есть то, что выше человека. И то, что выше человека, т. е. божественное, не есть сила внешняя, над ним стоящая и им господствующая, а то, что в нем самом делает его вполне человеком, есть его высшая свобода. Тут самое различие трансцендентного и имманентного терминологически условно и указывает на непреодолимую парадоксальность в условиях нашего времени. Человек с зари своего существования предполагал существование божественного, хотя бы в самой грубой форме. Если нет Бога, если нет Правды возвышающейся над миром, то человек целиком подчинен необходимости или природе, космосу или обществу, государству.

Свобода человека в том, что кроме царства Кесаря существует еще царство Духа. Существование Бога обнаруживается в существовании духа в человеке. И Бог не походит ни на силу природы, ни на власть в обществе и государстве. Тут нет никакой аналогии, все аналогии означают рабий космоморфизм и социоморфизм в понимании Бога. Бог есть свобода, а не необходимость, не власть над человеком и миром, не верховная причинность, действующая в мире. То, что теологи называют благодатью, сопоставляя ее с человеческой свободой, есть действие в человеке божественной свободы. Можно сказать, что существование Бога есть хартия вольностей человека, есть внутреннее его оправдание в борьбе с природой и обществом за свободу. Достоинство человека в том, чтобы не подчиняться тому, что ниже его. Но для этого должно быть то, что выше его, хотя и не вне его и не над ним. Ошибка гуманизма была совсем не в том, что он утверждал высшую ценность человека и его творческое призвание, а в том, что он склонялся к самодостаточности человека и потому слишком низко думал о человеке, считая его исключительно природным существом, не видел в нем духовного существа. Христос учил о человеке, как образе и подобии Божьему, и этим утверждалось достоинство человека, как свободного духовного существа, человек не был рабом природной необходимости. Свобода возможна лишь в том случае, если кроме царства Кесаря существует еще царство Духа, т. е. царство Божье. Повторяю — Бог не объективное бытие, к которому применимы рациональные понятия, Бог есть Дух. Основное же свойство Духа есть свобода. Дух не есть природа. Свобода не может быть вкоренена в природе, она вко-

ренена в Духе. Связь человека с Богом не природно-бытийственная, а духовно-экзистенциальная, глубинная. Если нет Бога, то нет Тайны. Если нет Тайны, то мир плосок и человек двухмерное существо, неспособное восходить в гору. Если нет Бога, то нет победы над смертью, нет вечной жизни, то все лишено смысла и абсурдно. Бог есть полнота, к которой не может не стремиться человек. Существование человека не доказывает путем мертвой логической диалектики существование Бога, а показывает, свидетельствует о Нем. Отожествление царства Духа с царством Кесаря в той или иной форме есть ложный монизм, неотвратимо порождающий рабство. Дуализм между царством Духа и царством Кесаря — совершенно необходимое утверждение свободы человека. Но это не есть окончательный дуализм, это, дуализм в духовном и религиозном пути человека. Окончательный монизм утвердится в царстве Божиим, он обнаружится лишь эсхатологически.

Не только сознание утонченно развитое, но и сознание более элементарное и мало развитое, должно быть обеспокоено таинственным учением о Промысле, пониманием Бога, как Господина и Управителя этого мира. Как связать это с торжеством в мире зла и страданием? Думаю, что это один из главных источников атеизма. Обыкновенно выходят из затруднения при помощи учения о грехопадении. Но этим ничего не объясняется и не оправдывается. Сила зла остается необъяснимой. Не существует никакой пропорциональности между страданиями людей и их греховностью. Больше всего страдают не худшие, а лучшие. Остаются необъяснимыми периоды богооставленности в жизни исторической и в индивидуальной

жизни. Объяснение страшных катастроф в жизни людей Божьим гневом и наказанием невыносимо. Страшно трудно оправдать и объяснить вседеприсутствие всемогущего и всеблагого Бога в зле, в чуме, в холере, в пытках, в ужасах войн, революций и контр-революций. Понимание действия Промысла Бога в этом мире зла и страдания должно быть переоценено. Значительно вернее мыслит Кирхегардт, что Бог остается инкогнито в мире. В этом мире управляет не Бог, а князь мира сего по своим законам, законам мира, а не по законам божьим. Этот мир более подчинен царству Кесаря, а не царству Духа. Отклик у живого Бога можно понимать только эсхатологически: "Да придет Царствие Твое". Его еще нет. Мир объектов, мир феноменов, с царствующей в нем необходимостью, лишь внешняя сфера, но за ним скрыта глубина связи с Богом. Нельзя мыслить так, что Бог что-то причиняет в этом мире подобно силам природы, управляет и господствует подобно царям и властям в государствах, детерминирует жизнь мира и человека. Нельзя мыслить прогресса в отношении Бога в историческом процессе, в исторической необходимости. В истории происходит борьба свободы и необходимости, а Бог может быть только в свободе, Он не присутствует в необходимости. Это влечет за собой полное изменение учения о Промысле. Благодать не есть действующая извне сила, благодать есть обнаружение божественного в человеке. Не существует противопоставления между свободой и благодатью, благодать есть лишь просветленная свобода. Как я много раз писал, сделав это основной темой, возможно противопоставить ей зло и тварность и предшествующую несотворенную, и потому не детерминированную

свободу, иррациональную свободу. Но свобода может стать просветлением и обожествлением. Поэтому, в истории мира и человека могут действовать иррациональные силы, темная свобода, порождающая необходимость и насилие. Но действует и просветленная свобода, действует и сила божественная. Поэтому история в высшей степени драматична; поэтому в ней постоянно происходит столкновение и борьба царства Духа и царства Кесаря, которое имеет тенденцию быть царством тоталитарным. Одинаково ложно видеть повсюду в жизни мира торжество злой, дьявольской силы и видеть прогрессирующее раскрытие и торжество божьей доброй силы. Дух не открывается прогрессивно в историческом процессе и торжествуют явные и злые процессы, но нужно видеть повсюду возможные зачатки и наитие духа и духовного царства. Отношение человека к Богу предполагает драматическую борьбу между царством Духа и царством Кесаря, прохождение через дуализм, во имя окончательного монизма, который может раскрыться лишь эсхатологически. Эта тема осложняется отношением человека к космосу.

ГЛАВА II.

Человек и Космос. Техника

Человек есть природное существо, он связан с космической жизнью многими нитями, зависит от круговорота космической жизни. Тело человека определяется и процессами физико-химическими. Человек умирает, как природное существо, и телесный состав его рассеивается в материи и мировой жизни. Человек живет в природном мире и должен определять свое отношение к нему. Но тайна человека в том, что он не только природное существо и не объясним из природы. Человек есть также личность, т. е. духовное существо, несущее в себе образ божественного. Поэтому положение человека в природном мире трагическое. Человек не только один из объектов этого мира, он прежде всего субъект, из объекта невыводимый. Вместе с тем отношение человека к космосу определяется тем, что он есть микрокосм, он заключает в себе космос или заключает в себе историю. Человек не может быть лишь частью чего-либо, он есть целое. Через духовное в себе начало человек не подчинен природе и независим от нее, хотя природные силы могут его убить. Если бы человек был исключительно природным и конечным существом, то

смерть его не заключала бы в себе ничего трагического, трагична лишь смерть бессмертного существа, устремленного к бесконечности. Только извне, из объекта человек есть часть природы, изнутри, из духа природа в нем. Поэтому отношение человека к космосу двойственное. Он раб природы и царь природы. Центральное положение человека в природе определяется совсем не астрономически, и оно не меняется после Коперника; оно совсем не зависит от того, что открывают естественные науки. Это положение человека определяется духом. Поэтому основная тема — дух и природа, свобода и необходимость.

Можно установить четыре периода в отношении человека к космосу: 1) погружение человека в космическую жизнь, зависимость от объектного мира, невыделенность еще человеческой личности, человек не овладевает еще природой, его отношение магическое и мифологическое (примитивное скотоводство и земледелие, рабство); 2) освобождение от власти космических сил, от духов и демонов природы, борьба через аскезу, а не технику (элементарные формы хозяйства, крепостное право); 3) механизация природы, научное и техническое овладение природой, развитие индустрии в форме капитализма, освобождение труда и порабощение его, порабощение его эксплуатацией орудий производства и необходимость продавать труд за заработную плату; 4) разложение космического порядка в открытии бесконечно большого и бесконечно малого, образование новой организованности, в отличие от органичности, техникой и машинизмом, страшное возрастание силы человека над природой и рабство человека у собственными открытий. Это различие отношений человека и

природы типологично, а не хронологично, хотя смена времён имела значение. Но сейчас, когда мы вошли в техническую эпоху, существуют и другие страшные темы. Если раньше человек страшился демонов природы и Христос освободил его от демонолатрии, то ныне он страшится мирового механизма природы. Власть техники есть последняя метаморфоза царства кесаря. Она уже не требует тех сакрализаций, которых требовало царство кесаря в прошлом. Это последняя стадия секуляризации, распадение центра и образование отдельных автономных сфер и претензия одной из сфер на тоталитарное признание. Человек находится под влиянием одной из автономных сфер. Возможно мыслить также пятый период в отношении человека к природе. В этом пятом периоде будет ещё большее овладение человеком силами природы, реальное освобождение труда и трудящегося, подчинение техники духу. Но это предполагает духовное движение в мире, которое есть дело свободы.

Мне не раз уже приходилось писать о том, что невероятная мощь техники революционизировала всю человеческую жизнь. Кризис, переживаемый человеком, связан с несоответствием душевной и физической организации человека с современной техникой. Душа и тело человека формировались, когда человеческая жизнь была ещё в соответствии с ритмом природы, когда для него ещё существовал космический порядок. Человек был ещё связан с матерью-землей. Власть техники означает конец теллургической эпохи. Органическая, естественная среда человека, земля, растения, животные и пр., может быть убита техникой; что тогда будет? Элементарная техника существовала с первобытных времён. С конца XVIII века начинается революцио-

низирующее вторжение машины, с которым связано развитие капиталистической промышленности. Только в наше время техника приобретает детерминирующую власть над человеком и человеческими обществами и возникает тип технической цивилизации. Этого нельзя еще было сказать про XIX век, который был сложным и противоречивым, но сохранял еще старый тип культуры. Ныне пошатнулся космический порядок, в который верили люди, верили и материалисты, и позитивисты XIX в. Человек по-новому поставлен перед космическими силами. Космос в античном греческом смысле слова, космос Аристотеля, Фомы Аквината, Данте — более не существует. Природа не есть больше установленный Богом иерархический порядок, на который можно положиться. Это изменение началось с Коперника. Уже Паскаль испытывал ужас перед бесконечностью пространств и остро почувствовал потерянность человека в чуждом и холодном бесконечном мире. Не меньший ужас должен возникнуть с открытием мира бесконечно малого. Наука входит во внутреннее строение природы, в глубину материи. В этом отношении работа над разложением атома имеет огромное значение. Она привела к открытию атомной бомбы, которое грозит неслыханными катастрофами. Это пугает ученых, которые не чувствуют себя свободными в своих лабораториях. Разложение материи освобождает огромную энергию. Можно сказать, что материя связывала и сковывала энергию. Это стабилизировало космический порядок. Теперь ученые говорят, что научные открытия своими техническими последствиями могут взорвать космический порядок, вызвать космические катастрофы. Война перестала быть ло-

кализованным явлением между нациями и государствами, она становится явлением космическим или, вернее, антикосмическим. Огромное значение в изменении взгляда на космический порядок имело также открытие закона относительности. Кончился также эволюционистский оптимизм XIX в., утверждавший, что все идет к лучшему в природном мире. Эволюционные теории возникли на почве биологических наук и имели ограниченный кругозор. Теперь определяющее значение имеют физика и химия, и кругозор делается космическим и именно в то время, когда космос почти разрушается. Отношение к природе определяется исключительно через *praxis* и для *praxis*'а открываются безграничные возможности. Это одинаково может порождать и оптимистические настроения и настроения пессимистические.

Возникает новая реальность, отличная и от природной неорганической реальности и от природной органической реальности. Эта новая реальность есть реальность организованная. Человек имеет дело уже не с природой, сотворенной Богом, а с новой реальностью, созданной человеком и цивилизацией, с реальностью машины, техники, которых в природе нет. Машина создается при помощи материальных элементов, взятых из старой природы, но в нее привходит что-то совершенно новое, не природное уже, не принадлежащее к старому космическому порядку. Не сразу человек заметил, какие это может иметь последствия. Поистине, машина и техника имеют космогоническое значение. Это новый день творения или новая ночь его. Вернее говоря ночь, потому что солнечный свет может померкнуть. Но роль техники двойственна; она имеет и положительное и отрицатель-

ное значение. И романтическое отрицание техники бессильно и реакционно. Нужно не отрицать научные открытия техники, а духовно овладеть ими. Роковым последствием техники, подчиненной лишь собственному закону, порождающему технические мировые войны, является непомерное возрастание этатизма. Государство делается всемогущим, все более тоталитарным и не только в тоталитарных режимах; оно не хочет признавать никаких границ своей власти и рассматривает человека, лишь как свое средство и орудие. Власть техники имеет еще одно последствие, очень трудное для человека, к которому душа человека недостаточно приспособлена. Происходит страшное ускорение времени, быстрота, за которой человек не может угнаться. Ни одно мгновение не самоценно, оно есть лишь средство для последующего мгновения. От человека требуется невероятная активность, от которой он не может опомниться. Но эти активные минуты делают человека пассивным. Он становится средством вне человеческого процесса, он лишь функция производственного процесса. Активность человеческого духа оказывается ослабленной. Человек оценивается утилитарно, по его производительности. Это есть отчуждение человеческой природы и разрушение человека. Маркс справедливо говорил об отчуждении человеческой природы в капиталистическом строе. Но это отчуждение продолжается в строе, которым он хочет заменить разлагающийся капиталистический строй. В техническую эпоху происходит также активное вступление в историю огромных человеческих масс и происходит как раз тогда, когда они потеряли свои религиозные верования, массы, которые не следует отождествлять с трудящимися классами.

Все это создает глубокий кризис человека и человеческой цивилизации. В чем главная причина этого кризиса?

Со времени выхода из средневекового времени, человек пошел путем автономии разных сфер творческой человеческой активности. В века новой истории, которая уже перестала быть новой и стала очень старой, все сферы культуры и общественной жизни начали жить и развиваться лишь по собственному закону, не подчиняясь никакому духовному центру. Таким образом, могли развиваться и творческие силы человека, связанные в Средневековье. Политика, экономика, наука, техника, национальность и пр. не хотят знать никакого нравственного закона, никакого духовного начала, стоящего выше их сферы. Макиавелизм в политике, капитализм в экономике, сиантизм в науке, национализм в жизни народов, безраздельная власть техники над человеком, — все это есть порождение этих автономий. Основным и роковым противоречием в судьбе европейского человека было то, что автономия разных сфер его активности не была автономией самого человека, как целостного существа. Человек делался все более и более рабом автономных сфер; они не подчинены человеческому духу. Все большая утрата человеком целостности порождает в человеке потребность спастись от грозящей ему гибели, от утери человеческого образа. С одной стороны европейский человек идет к неогуманизму, с другой стороны хочет достигнуть целостности в тоталитарной системе организации всей жизни. Вопрос о тоталитаризме, о котором так много пишут, сложнее, чем

обыкновенно думают. Тоталитаризм есть религиозная трагедия, и в нем обнаруживается религиозный инстинкт человека, его потребность в целостном отношении к жизни. Но автономия разных сфер человеческой активности, утеря духовного центра, привела к тому, что частичное, раздельное претендует на тоталитарность, целостность. Наука, политика давно уже начали заявлять такое притязание. В нашу эпоху тоталитарными делаются экономика, техника, война. Наука приобретает утилитарный характер в отношении к этим сферам. Марксизм стремится к целостному человеку, не хочет примириться с отчуждением человеческой природы, которое происходит в капиталистическую эпоху. Но он хочет воссоздать целостного человека из раздельной, автономной сферы экономики; он находится во власти экономического капиталистической эпохи. Поэтому тоталитаризм марксизма ложный, не освобождающий человека, а порабощающий его. Человек не есть экономическое существо по преимуществу, в своей глубине. Но самое большое значение имеет тоталитарное притязание техники. Техника не желает знать никакого высшего начала над собой. Она принуждена считаться лишь с государством, которое тоже приобретает тоталитарное значение. Потрясающее развитие техники, как автономной сферы, ведет к самому основному явлению нашей эпохи: к переходу от жизни органической к жизни организованной. В техническую эпоху жизнь огромных человеческих масс, требующих разрешения вопроса о хлебе насущном, должна быть организована и регулирована. Человек оторван от природы в старом смысле слова и погружен в замкнутый социальный мир, какой мы видим в марксизме.

И наряду с этим у него делается все большее и большее планетарное чувство земли. Жизнь человека погружена в противоречие, он находится в состоянии потери равновесия. Автономная власть техники есть предельное выражение царства кесаря, новая его форма, непохожая на прежние формы. Дуализм царства Духа и царства Кесаря принимает все более острые формы. Царство Кесаря не хочет признать нейтральных сфер, оно мыслится монистически.

Для нашей эпохи характерно соединение иррационального и рационального. Это может казаться противоречивым, но в действительности оно понятно. Происходит взрыв иррациональных сил, и человек утопает в образовавшемся хаосе. Он делает усилие спастись через рационализацию. Но рационализация есть лишь обратная сторона иррационального. Ситуация человека в мире делается абсурдной, бессмысленной. Он погружен в бессмысленность жизни, но не признает смысла, который только и может оправдать бессмысленность. Мир приходит к рационализированной тьме. Сама рационализация жизни может быть иррациональной. Самая рационализация происходит как раз тогда, когда вера в разум пошатнулась. Это делает весь процесс жизни противоречивым. Господство рационализированной техники делает ситуацию человека в мире абсурдной. Эта ситуация человека, эта выброшенность его в мир абсурда, отразилась в философии Гейдегера, в романах Кафки. В них с новой остротой ставится вопрос о человеке и требование новой религиозной и философской антропологии. Технизация жизни есть вместе с тем ее дегуманизация. Старый гуманизм бессилен перед могущественным техническим процессом, пе-

ред ростом сознания абсурдности жизни. Только марксисты хотят оставаться оптимистами, верят в благость техники, относя сознание абсурдности жизни исключительно к обреченным на смерть буржуазным классам и с ней связывают неотвратимое торжество пролетариата. Эта точка зрения признает человека исключительно социальным существом, в котором мыслит и творит класс. Марксистский оптимизм не ставит в глубине ни вопроса об отношении человека к космосу, ни вопроса о внутренней жизни человека, которая просто отрицается. Я много раз уже писал о двойственности гуманизма, об его внутренней диалектике, которая приводит к отрицанию человека. Бессмысленно стремление к отрицанию техники. Нужно не отрицать технику, а подчинить ее духу. Человек в своей исторической судьбе проходит не только через радикальные изменения социальной жизни, которые должны создать новую структуру общества, но и через радикальное изменение отношения к жизни космической. Слишком забывают, что социальная жизнь людей связана с космической жизнью, и что не может быть достигнуто совершенного общества без отношения к жизни космической и действия космических сил. Основы марксизма остаются незащитимы в социальном мире. Развитие техники и ее власть над человеческой жизнью имеет прямое отношение к теме "человек и космос". Было уже сказано, что моральное и духовное развитие не соответствует техническому развитию и что это создает главную причину нарушения равновесия человека. Только соединение социального движения с духовным движением может вывести человека из состояния раздвоенности и потерянности. Только через духовное начало,

которое есть связь человека с Богом, человек делается независимым и от природной необходимости и от власти техники. Но развитие духовности в человеке означает не отворачивание от природы и техники, а овладение ими. Проблема, стоящая перед человеком еще сложнее: с механизированной природой не может быть взаимообщения. Древнее общение человека с жизнью природы теперь возможно лишь через воззрения духовные, оно не может быть просто органическим в старом смысле слова. Но ставится еще более острый вопрос об отношении человека к обществу.

ГЛАВА III.

Человек и Общество. Социализм

Человек есть существо природное, социальное и духовное. Он также есть существо свободное и рабье, склонное к жертве и любви и к эгоизму, высокое и низкое, несущее в себе образ Божий и образ мира, природного и социального. И потому человек определяется своим отношением к Богу, к природе и к обществу. Иногда он в гораздо большей степени чувствует себя поставленным перед обществом, чем перед космосом, и гораздо больше чувствует власть общества. И власть техники он чувствует как власть общества, а не власть природы. Поэтому с наибольшей остротой ставится вопрос о границах власти общества над человеком. Общество имеет тоталитарные притязания и склонно говорить человеку: "ты мое создание и безраздельно принадлежишь мне". Христос утверждал дуализм — царства Божия и царства Кесаря. Ныне происходит возврат к античному, языческому сознанию, которое признавало безраздельную власть общества-государства. Отношения между человеком и обществом представляются парадоксальными. Извне, из объекта человеческая личность есть лишь малая часть общества, изну-

три, из субъекта общество есть часть человеческой личности, ее социальная сторона, подобно тому, как космос есть часть человеческой личности, как малой вселенной, заключающей в себе все. Важнее всего сознать, что человек принадлежит не только общественному плану, но и плану духовному, и в этом источник его свободы. Необходимо всеми силами обличать ложь всякого монизма, который всегда есть источник тирании. Общество, понятое монистически, всегда имеет тенденцию к тирании. Более был бы приемлем плюрализм, но плюрализм в обществах буржуазных и капиталистических связан с индивидуализмом и есть прикрытая форма тирании через капиталистическое господство. Поэтому речь может идти только о создании совершенно нового братского общества, общества персоналистического и коммюнитарного. Общество есть объект для человека, извне его детерминирующий. Его надо превратить в субъект, внутренне обозначающий коммюнитарный и социальный характер человека.

Коммунизм, совершенно также и фашизм, отрицает трагический конфликт личности и общества. Этот конфликт признается свойственным лишь обществу, состоящему из классов. Так представляется, если оставаться на поверхности, но на большей глубине этот конфликт совершенно устраняется только в Царствии Божием. Трагизм ситуации человека заключается в том, что он принужден жить в природном и объективированном порядке, т. е. доля действия на него необходимости больше доли действия в нем свободы. Общество не есть ни особое существо, ни организм. В этом отношении совершенно ложна метафизика коллек-

тивизма, которая в социальном коллективе видит реальность, стоящую над человеком. К этому вопросу мы еще вернемся. Но общество есть некая реальность. Реальность не только “я” и “ты”, но и “мы”. Но реальность “мы” нисколько не дает права признавать примат общества над человеческой личностью. Вне человека и отношений человека к человеку, общества не существует, или существует, как отчуждение во вне природы самого человека. Универсализм Гегеля, Маркса, Дюргейма, Шпанна и др., признающий примат общества или государства над человеческой личностью, есть ложный универсализм и основан на логике реализма понятий, для которой общее реальнее индивидуального. Маркс в этом отношении противоречив, но у него, в противоречии с материализмом, есть схоластический реализм понятий. Для него класс реальнее человека. Очень интересно, что это противоречие социальной диалектики, как подтвердил Ж. Ж. Руссо, приводит к деспотическому государству якобинцев. Руссо уже отрицал свободу религиозной совести и возвращался к античному, до-христианскому пониманию свободы. Более правы были Прудон, у нас Герцен и Н. Михайловский, утверждавшие социализм во имя индивидуума, во имя человека.

Свобода человеческой личности не может быть дана обществом и не может по своему источнику и признаку зависеть от него — она принадлежит человеку, как духовному существу. Общество, если оно не имеет тоталитарных претензий, должно лишь признать эту свободу. Эта основная истина о свободе находила свое отражение в учении об естественном праве, о правах человека, не зависящих от государства, о свободе не только,

как свободе в обществе, но и свободе от общества, безграничного в своих притязаниях. Бенжамен Констан видел в этом отличие понимания свободы в христианский период истории от понимания ее в античном греко-римском мире. Учение об естественном праве, которое признавало права человека независимо от политических прав, установленных государством, делало теоретическую ошибку, которая свойственна незрелой метафизике того времени. В действительности неотъемлемые права человека, устанавливающие границы власти общества над человеком, определяются не природой, а духом. Это духовные права, а не естественные права, природа никаких прав не устанавливает. Такую же ошибку делали, когда совершали революцию во имя природы; ее можно делать только во имя духа, природа же, т. е. присущий человеку инстинкт, создавала лишь новые формы рабства. Христианство некогда совершило величайшую духовную революцию, оно духовно освободило человека от неограниченной власти общества и государства, которая в античном мире распространялась и на религиозную жизнь. Оно открыло в человеке духовное начало, которое не зависит от мира, от природы и общества, зависит от Бога. Это и есть истина христианского лишь персонализма, неизвестная древнему, дохристианскому миру. Но в своей исторической судьбе христианство искажалось приспособлением к царству Кесаря, склонялось перед государственной силой и пыталось сакрализировать эту силу. Так образовывались принудительные христианские теократии, так дошли до приспособления и оправдания капиталистического режима, который находится в самом остром противоречии с христианством. Роко-

вое значение имели слова ап. Павла: “Несть бо власть, аще не от Бога”, которые не имели никакого религиозного значения, а лишь временное, историческое значение. Слова ап. Павла стали источником оппортунизма. На Павловом христианстве утвердились два пути: или аскетический путь ухода из мира, оправдывавший аскетически-метафизическое миросозерцание, или путь приспособления к силам, господствующим в мире. Христианство всегда определяло свое отношение к организациям общества, которые делали другие, но не раскрывало правды организации общества из глубины самого христианства. Христианская правда об обществе еще не была раскрыта, не наступили еще для этого времена и сроки. Поэтому до времени нужно утверждать дуализм “божьего” и “кейсарева”, дуализм природно-социального, как и дуализм общества и государства. Это источник свободы. Но это не есть окончательное, это дуализм в пути, дуализм временный. Окончательная обращенность должна быть обращенностью к Царству Божьему, в котором всякий дуализм преодолен. Необходимо также установить различие между обществом и коммюнитарной общиной. Организация общества, в котором всегда большая доля необходимости, не есть создание коммюнитарности. В следующей главе будет речь о глубоком различии между идеей религиозной соборности и социалистической идеей коллективизма. Конечные цели человеческой жизни не социальные, а духовные. Но с другой стороны совершенно ложно разделение индивидуально-морального акта и социально-морального. Нельзя быть моральным человеком и хорошим христианином в индивидуальной, личной жизни и быть жестоким эксплуататором и амо-

ральным в социальной жизни в качестве представителя власти, хозяина предприятий, главы семьи и пр. Ложно и античеловечно различие человека и иерархического чина; замена человека иерархическим чином. Главная же причина кризиса христианства и кризиса общества и упадка веры — в понимании христианства исключительно как религии личного спасения. На почве такого сознания невозможно разрешение проблемы отношений человека и общества. Только новое сознание в христианстве, только понимание его как религии не только личного, но и социального и космического преобразования, т. е. усиление в христианском сознании мессианства и пророчества может привести к разрешению мучительной проблемы отношений человека и общества.

Проблема отношения человека и общества очень обострилась из-за роли, которую играет социализм в мировой жизни. Самое слово социализм происходит от слова "общество". Когда социализм был еще мечтой и поэзией, не стал еще прозой жизни и властью, он хотел быть организованной человечностью. Даже Маркс думал, что социализм должен осуществить новое общество во имя человека. Роковая диалектика всего осуществляемого в мире, в царстве кесаря, еще не обнаружилась. Но несмотря на несомненную практическую правду социализма — во всяком случае критическую правду в отношении к капитализму, — метафизика социализма ложна. Эта метафизика основана на примате общества над человеческой личностью, хотя и при предположении, что человек может от этого примата только выиграть. Социализм двой-

ствен: он может создать или новое свободное общество или новое рабство. Глубина и правда социализма в том, что человеческая личность вообще, и особенно личность рабочего, из объекта должна превратиться в субъект. Основным противоположением остается противоположение личности и вещи. Нельзя допустить, чтобы человек рассматривался как вещь и объект. Человек есть субъект и личность, и оправдан социальный строй, который это признает. О различии между социализмом и коммунизмом будет сказано по существу ниже, в главе о коллективизме и марксизме.

Говорят, что различие между социализмом и коммунизмом в том, что лозунг социализма: "от каждого по его способностям, каждому по его труду", лозунг же коммунизма: "от каждого по его способностям, каждому по его потребностям". Это различие не принципиальное, вторичное, указывает лишь на разные степени достижения богатства обществом. Гораздо глубже то различие, что социализм не требует тоталитарного мирозерцания, как коммунизм, не стремится к коллективизации всей личной жизни человека и не все средства считает дозволенными. Но и социализм, в большинстве случаев основанный на ложной метафизике, признает мир объектов первичной реальностью, мир же субъекта — вторичной. Это одна из трансформаций царства кесаря. Материализм, т. е. абсолютизация вещи и объекта, есть наследие буржуазного мирозерцания. Капитализм есть практический атеизм. Много верного об этом говорит Рагац. Но есть иллюзия в его мысли, что пролетариату открыта бесконечность, потому что он свободен от собственности. Всегда есть опасность обуржуазвления социализма, это очень остро

отметил Герцен. И коммунизм может быть буржуазным в духовном смысле слова. Самое глубокое противоположение есть противоположение не капитализму, как экономической категории, а буржуазности, как категории духовной и моральной. Революционность в социальной борьбе за новое общество определяется обычно не по социальному идеалу, и не по духовному и моральному изменению людей, создающих новое общество, а по средствам, которые применяются в борьбе, по степени применения насилия. Ганди был, конечно в духовном смысле слова, более революционным, чем коммунисты, но его убили именно за эту духовную революционность.

Огромное значение здесь имеет отношение к времени. Можно ли рассматривать настоящее, как средство для будущего, и современное поколение, как средство для поколений грядущих? Социализм революционный часто хотят видеть в этом рассматривании настоящего поколения живых людей, как простого средства для будущего. Поэтому считают возможным убивать огромное количество людей, причинять неисчислимое страдание для осуществления грядущего блага и счастья людей. Так всегда создавалось и продолжает создаваться царство кесаря; это его закон. Различие тут лишь в степени. Революцию понимают как антиперсонализм.

Самой мучительной проблемой в социализме является проблема свободы. Как соединить решение проблемы хлеба для всех людей, проблемы, от которой зависит сама жизнь людей, со свободой, от которой зависит достоинство людей? Эта проблема совершенно неразрешима на почве материализма; она могла бы быть разрешима лишь на

почве религиозного социализма. Но трагизм положения в том, что человеческие массы проходят через процесс дехристианизации и через материализм, в чем виноваты сами христиане. Социализм сам по себе никогда не осуществит совершенного общества, не осуществит и равенства. Не будет греховных форм эксплуатации человека человеком, не будет классов в том смысле, в каком они созданы капиталистическим строем. Но образуется новый, привилегированный правящий слой, новая бюрократия, та, что теперь названа "организаторы" (James Burnham).

В истории происходит двойной процесс: процесс социализации и процесс индивидуализации. Коммунизм имеет тенденцию к тоталитарной социализации. В этом его своеобразие. Экономическая система коммунизма могла бы не быть еще тоталитарной социализацией человеческой жизни. Она вытекает из философского мировоззрения коммунизма, из его религиозной веры. В этом его главное отличие от социализма. Социализм менее духовен, в нем процесс индивидуализации. Но социализм можно рассматривать, как родовое понятие, и тогда возможны разные формы социализма. Может быть социализм революционный и социализм реформаторский, социализм религиозный и социализм атеистический, социализм демократический и социализм аристократический. Речь сейчас идет не о социальных переменах в Европе, а о принципах. В социализме всегда был элемент хилиастический, он был в социализме утопическом и в социализме Маркса. Но не осознанный, хилиастический и мессианский элемент социализма как раз порождает фанатизм и с ним связан воинствующий, антирелигиозный его характер. Крайняя

вражда к религии может быть желанием религии же. Это скорее та разновидность социализма, которая именуется коммунизмом. Само слово социализм бесцветно и почти ничего не означает, оно происходит от слова "общество". Слово "коммунизм" более значительно, оно связано с приобщением, с коммюнитарностью. Но на практике коммунизм приобретает не столько характер коммюнитарности, сколько характер коллективизма. Мы увидим, что это основное различие. Если бы не превращение коммунизма в предельный коллективизм, не оставляющий места ни для каких индивидуализаций, то я бы предпочел слово "коммунизм", я бы защищал религиозный и аристократический (не в социальном, а в классическом смысле слова) коммунизм. Но по жизни установленной терминологии отдаю предпочтение слову "социализм".

Нужно признать, что социализм больше стесняется в средствах, менее склонен достигать своих целей насилем. И в прошлом хилиастический христианский коммунизм, задаваясь целью осуществления царства Божьего на земле, был склонен к кровавым насилиям. В этом отношении показательна фигура Фомы Мюнцера. Коммунистическая утопия, напр., утопия Кампанеллы или Кабэ, рисовала идеальный строй, в котором не оставалось места для свободы и организация общества была тиранической. В сущности проблема социализма, перед которой стоит современный человек — проблема "хлеба" и социальной справедливости — элементарна и относительно. Социализм, употребляя это слово в радикальном смысле, не может решить основных вопросов человеческого существования. После осуществления элементарной

правды социализма, восстанут с особой остротой самые глубокие вопросы для человека и трагизм человеческой жизни станет особенно острым. Цели человеческой жизни духовные, а не социальные, социальное относится лишь к средствам. Борьба против буржуазного общества и буржуазного духа, с которым социализм и коммунизм недостаточно борются, совсем не отрицает заслуг буржуазного и гуманистического периода истории, утверждения свободы мысли и науки, уничтожения пыток и жестоких наказаний, признания большей человечности. В этом отношении XIX век был великим веком. Совершенно нелепа идея пролетарской культуры, которую никак не утверждали ни Маркс, ни Ленин. Пролетарская психология и пролетарская культура может означать лишь рабство человека. Культура может быть лишь общечеловеческой и непременно предполагает аристократический элемент. Также нелепо утверждение религии труда. Труд имеет религиозный смысл, но цель в освобождении от тяжести труда. Это будет одним из результатов техники, когда она будет подчинена духу. Но социализм должен быть связан с новым, не буржуазным отношением к жизни, с новым, не буржуазным отношением людей. Это не есть лишь социальная задача, это прежде всего духовная задача, духовная революция. Надо желать развития и победы религиозного социализма, но это совсем не означает религии социализма. Подчинение социализма религиозным началам и целям есть освобождение от ложной религии социализма, от ложной объективации общества.

ГЛАВА IV.

Человек и Кесарь. Власть

Кесарь есть вечный символ власти, государства, царства этого мира. Есть две основные точки зрения на соотношения кесаря, власти, государства, царства этого мира и духа, духовной жизни человека, царства Божьего. Это соотношение понимают или дуалистически или монистически. Было уже сказано об относительной правде дуализма в условиях нашего мира! Монизм всегда имеет тираническую тенденцию, будет ли он религиозный или антирелигиозный. Верно же понятый дуализм царства Кесаря и царства Божьего, духа и природы, духа и организованного в государство общества, может обосновать свободу. Ложно были поняты и истолкованы евангельские слова: "Воздайте кесарево кесарю, а Божье Богу", и слова ап. Павла: "Несуть бо власти, аще не от Бога". Истолкование этих слов носило рабий характер. "Воздайте кесарю кесарю" совсем не означает религиозного определения кесаря и его царства, не означает никакой его оценки. Это есть лишь различие двух разных сфер, недопущение смешения. Слова же "несуть бо власти, аще не от Бога", которые имели роковое значение, сплошь да ря-

дом означали сервилизм и оппортунизм в отношении к государственной власти и сакрализацию форм власти, ничего общего с христианством не имеющих. Слова ап. Павла никакого религиозного значения не имеют, их характер чисто исторический и относительный, вызванный положением христиан в Римской Империи. Ап. Павел боялся, что христианство может превратиться в анархическую, революционную секту. Он хотел ввести христианство во всемирную историю. Кроме того следует помнить, что через некоторое время, во время правления Домициана, государственная власть характеризовалась, как зверь исходящий из бездны. Вопрос безмерно сложнее, чем обыкновенно думают, ссылаясь на слова ап. Павла. Христианство достаточно уже обнаружило сервилизм в отношении к царству кесаря. Причем это обыкновенно происходило так: всякое изменение — революционное или реформаторское — в царстве кесаря вначале вызывало сопротивление со стороны церкви, осуждение новшества, как проявления духа антихриста. Но когда стабилизировалась и укреплялась новая власть кесаря, церковь вдруг замечала, что это и есть та власть, которая также от Бога, и санкционировала ее. Таким образом выходило, что церковь лишь санкционировала то, что делали другие: внецерковные и внехристианские силы, и не имела собственного идеала общества и государства. Когда она его по видимости имела, — в христианских теократиях прошлого — было еще хуже, ибо эти теократии были христианскими лишь по вывеске и отрицали свободу. Теократия была одним из соблазнов, через которое проходило христианское человечество. Соблазном была не только теократия в средневековом смысле слова,

но и христианские государства, которые всегда бывали христианскими лишь символически, а не реально, и компрометировали христианство. Глубина проблемы в том, что дух не может зависеть от природы и общества и определяться ими. Дух есть свобода, но в объективации духа в истории создавался ряд мифов, которыми укреплялся авторитет власти. Это миф о суверенитете в религиозной области, это миф о папской непогрешимости, или миф о соборе епископов. В жизни государств и обществ таковы: миф монархии — о суверенитете власти монарха, миф демократии — о суверенитете власти народа (*volonté générale*), миф коммунизма — о суверенитете власти пролетариата. Все эти мифы в сущности имели мистический характер, хотя бы это и не признавали открыто, и эти мифы означали как правило не новое понимаемый миф о суверенитете, а отрицание самой идеи суверенитета. Суверенитет не принадлежит никому. Он есть лишь одна из иллюзий объективации.

Могут сказать, что моя точка зрения находится во власти анархического мифа, но это неверно. Мне чужда утопия счастливого, безгосударственного бытия. Функции государства остаются в условиях этого мира. Но государство имеет лишь функциональное и подчиненное значение. То, что нужно отрицать, так это суверенитет государства. Государство всегда имело тенденцию переходить за свои границы. И оно превратилось в автономную сферу. Государство хочет быть тоталитарным. Это относится не только к коммунизму и фашизму. И в христианский период истории происходит возврат к языческому пониманию государства, т. е. тоталитарному, монистическому

пониманию. Одно из главных классических возражений Цельса против христиан заключается в том, что христиане плохие, не лояльные граждане государства, что они чувствуют себя принадлежащими к другому царству. Этот конфликт существует и сейчас. Существует вечный конфликт Христа — Богочеловека и Кесаря — человекобога. Тенденция к обоготворению кесаря есть вечная тенденция, она обнаруживается в монархии и может обнаруживаться в демократии и коммунизме. Никакой суверенитет земной власти не может быть примирим с христианством: ни суверенитет монарха, ни суверенитет народа, ни суверенитет класса. Единственный примиримый с христианством принцип есть утверждение неотъемлемых прав человека. Но с этим неохотно примиряется государство. И сам принцип прав человека был искажен, он не означал прав духа против произвола кесаря, он включен был в царство кесаря и означал не столько права человека, как духовного существа, сколько права гражданина, т. е. существа частичного. Происходит борьба монизма с дуализмом. Монизм есть всегда возврат к языческому пониманию государственной власти, дуализм же имеет христианское происхождение, он укреплен кровью мучеников. Отношения монизма и дуализма носят парадоксальный характер. Тема социальной революции включает в себе и крайний монистический и дуалистический элемент. Она дуалистична в делении мира на две части, за социальную революцию и против нее, и монистична в утверждении своего нового царства. Социальная революция включает в себе мессианский и хилиастический элемент, она безусловно устремлена к царству Божьему на земле, хотя и без веры в Бога. И это ведет к мо-

низму, отрицающему различие царства Духа и царства Кесаря. Грядущим царством Кесаря и предвечным царством Духа. Двойственность в психологии социальных революционеров показывает только, что монизм, единство, можно мыслить только эсхатологически. Возможна секуляризованная эсхатология, которая обоготворяет не вечную жизнь, а жизнь будущего. Отношения церкви и государства есть одна из форм отношения духа и кесаря, но уже в форме исторической объективации. Церковь в истории легко принимала царство Кесаря, т. е. царство объективации, но в ней всегда оставался и другой элемент. Кесарь принадлежит к объективированному миру, он подчинен необходимости. Дух же принадлежит к царству свободы. Отношения церкви и государства были и будут противоречивы и неразрешимы. Конфликт не устраним и тогда, когда церковь оппортунистически приспособляется к государству. Церковная политика наиболее приспособлялась к царству Кесаря. В этом отношении особенное значение имело дело Константина. Империя стала христианской по своей символике. Но что еще важнее, так это то, что церковь стала императорской. Отцы и учителя церкви перестали быть защитниками свободы совести, которыми были раньше Дух ущемлен Кесарем, происходит слияние двух царств. Кесарь сакрализуется церковью. Вселенские соборы собираются византийскими императорами, которые считаются церковным чином. Образуется христианство типа восточного и западного типа с уклонами к цезарепапизму и папоцезаризму. Власть кесаря получает церковное освящение. Можно даже сказать, что образуется особое таинство, таинство царской власти. И это должно было готовить ре-

волюционное восстание. Но признание священной власти монарха переходит в признание священной власти народа, потом и власти пролетариата. Их суверенитет и священный характер власти остается.

У людей с древних времен была потребность в религиозной санкции власти, которая иногда принимала формы таинства помазания. Предполагали, что иначе народ не будет подчиняться власти. У древних человек и гражданин было одно и то же. Религия была племенная, национальная. В древнем Израиле это носило особый характер. Это была единственная серьезная и глубокая форма расизма, кровь имела религиозный характер. Но национально-племенной, кровный характер еврейской религиозности означал сознание избранности еврейского народа, как народа Божия, а потому связан был со вселенскостью. Мессиянство всегда носит вселенский характер. В дохристианском мире была тенденция к отождествлению политики и морали. Большее значение для нашей темы имеет апофеоз римских императоров. Это идет за пределы сакрализации власти. Она стоит в прямом отношении к нашим современным диктаторам, они даже более священные особы, чем цари и короли. Реформа цезаря Августа была попыткой произвести религиозную реформу в Риме. И режим, который он хотел создать, был тоталитарным режимом. Август был Pontifex-Maximus и он соединял в себе два начала, начало духа и кесаря. Было решено, что цезарь Август происходит от богов. Культ цезаря укреплял положение Рима. В языческом сознании не было непроходимой грани между богами

и человеком. Август император не означал обожотворения данного человека. В человеке-императоре почитали его гений в античном смысле слова. Есть различие между *divus* (блажен на небе) и *deus*. Власть цезаря и даже царя носит языческий характер и принципиально чужда христианству. Цельс защищал империю и апофеоз императорской власти против христиан, пользуясь аргументами, очень похожими на такие, которыми сейчас защищают тоталитарное государство. Апофеоз цезаря есть источник тоталитаризма в его предельном выражении. Это есть подчинение духа кесарю. Нужно помнить, что апофеоз цезарей, как и всех тиранов и диктаторов, был создан верой народа, бедноты, а не сенатом, который был уже скептичен и не склонен к мистическим верованиям, Часто недостаточно помнят и знают, что античный греко-римский мир не знал принципа свободы совести, которая предполагает дуализм духа и кесаря. К концу же античного мира свобода исчезла совсем. Но самое ужасное то, что культ императоров продолжается и в христианском мире. Это особенно поразительно в Византии и это делало ее не вполне христианским царством. Епископы средневековья иногда повторяли то, что говорили императорам в римском сенате: "Вы — образ Божества". Но Запад пытался ограничить власть кесаря церковью. Средневековью была свойственна идея органического единства. *Omnius multitudo derivatur ab uno*. Всякая часть предполагала единство целого. Человечество едино и есть мистическое тело. Но вместе с тем средневековой мысли совсем не свойственно обожествление государства. В этом преимущество Запада перед Востоком. Государство было создано актом насилия в

грешном мире и лишь терпимо Богом. Библейская идея происхождения царской власти очень для нее неблагоприятна. Царская власть возникла против воли Бога. Если продумать все до конца, то нужно признать, что от Бога происходит лишь свобода, а не власть. Средневековое христианское сознание не признавало безусловного подчинения подданных власти. Тиранической злой власти можно не подчиняться. Допускалась даже возможность тираноубийства. Вместе с тем признавалось абсолютное значение естественного права, которое происходит от Бога. Власть должна служить народу. Средневековье признавало в ряде христианских теологов, философов и юристов врожденные и неотъемлемые права индивидуума (Гирке). В этом средневековое сознание стояло выше современного. Но сознание это было противоречивым. Признавалась смертная казнь еретиков. Рабство считалось последствием греха вместо того, чтобы считать его грехом. В истории христианства было страшное злоупотребление идеей первородного греха, из которого делали рабы выводы. Меланхтон еще защищает казнь еретиков, Кальвин казнит Servet'a, Théodore de Bèze против свободы совести. Империя перешла с Запада на Восток. Поэтому процесс абсолютизации власти на Востоке был острее, чем на Западе. В католичестве дуализм всегда был сильнее, чем на Востоке, где торжествовал монизм. Но важно сказать, что противоречивые отношения между царством Духа и царством Кесаря глубже средневекового противопоставления духовной и светской власти.

Смешение и даже отождествление царства Кесаря и царства Божьего постоянно происходило и в практике жизни, и в мысли, и в учении. У лю-

дей была непреодолимая склонность к монистическим и тоталитарным системам. Такой системой была прежде всего теократия, и в необычайной крайней форме, теократия византийская. Но также монистична и тоталитарна демократия Руссо и якобинцев. То же отождествление двух царств и двух порядков мы находим у Гегеля, у Маркса, у О. Конта, у Шпанна, в коммунизме и фашизме. Так называемых либеральных демократий, которые соглашались признать себя нейтральными в отношении царства Духа, больше не существует, они все больше становятся диктатурами. Исчезновение нейтралитета царства Кесаря есть важный момент в исторической судьбе. Кесарь все больше и больше высказывается по вопросам духа, хотя бы в форме радикального отрицания духа. Если императоры говорили, что они призваны не только управлять государством, но и заботиться о спасении душ своих подданных, то теперь новый кесарь тоже заботится о спасении души, хотя бы то было спасение души от религиозных суеверий. Кесарь имеет непреодолимую тенденцию требовать для себя не только кесарева, но и Божьего, т. е. подчинения себе всего человека. Это есть главная трагедия истории, трагедия свободы и необходимости, человеческой судьбы и исторической судьбы. Государство, склонное служить кесарю, не интересуется человеком, человек существует для него лишь как статистическая единица. А когда оно начинает слишком интересоваться человеком, то это самое плохое, оно начинает поработать не только внешнего, но внутреннего человека, между тем, как царство Духа не может вместиться в царство Кесаря. Дух бесконечен и устремлен к бесконечности. Кесарь же конечен и хочет

наложить на дух печать своей конечности. Есть требования кесаря, которые исполняют все живущие на земле. Все мы воздаем кесарево кесарю, хотя бы в форме революций, в которых мы участвуем. Требование революции тоже кесарево требование, только революция духа стояла бы вне этого, но она не может быть смешиваема с революциями политическими и социальными, она принадлежит к другому плану бытия. Дуализм духа и кесаря, противоположный всякому монизму, не должен означать отворачивания от мира и происходящих в нем процессов. Дух неизбежно вторгается в объективированный мир и опрокидывает его необходимость и рабство. Это всегда было движением по вертикалу, которое потом лишь объективировалось и символизировалось по горизонталу. В условиях нашего мира, в нашем пространстве и времени, нельзя мыслить окончательной победы Духа над Кесарем. Постоянно происходит самоотчуждение духа в объектный мир и постоянно дух должен возвращаться в собственную глубину. Это только наполовину понимал Гегель со своим историческим пантеизмом. Царство Кесаря утверждается в этой сфере отчуждения и объективации духа. В этой сфере кесарь меняет свои обличия, в этой сфере власть имеет функциональное значение. Но окончательная победа Духа над Кесарем возможна лишь в эсхатологической перспективе. До этого люди живут в гипнозе власти и это распространяется и на жизнь церкви, которая тоже может оказаться одной из форм кесарева царства.

Тайна власти, тайна подчинения людей носителям власти, до сих пор не вполне разгадана. Почему огромное количество людей, на стороне ко-

торых есть преобладание физической силы, согласны подчиняться одному человеку или небольшой кучке людей, если они носители власти? Даже обыкновенный полицейский вызывает иное чувство, чем простой смертный в пиджаке. Как в древние времена, так и теперь, люди склонны думать, что существует помазание к власти. Тут, конечно, сказывается пережиток древнего рабства человека, которое не вполне преодолено и в демократиях. Указывали не раз на то, что властвование связано с гипнозом. Государственная власть может очень рационально править народом, но само начало власти совершенно иррационально. Дар людей власти заключается в способности ко внушению. Властвует тот, кто ввергает народные массы в гипнотическое состояние. Пропаганда играет здесь такую колоссальную роль, она есть вульгарная форма гипнотизирования. И если бы люди не обладали способностью подвергаться гипнозу, то неизвестно, какая власть могла бы удержаться. Гораздо глубже то, что власть опиралась на религиозные верования народа, и ее исторические формы падали, когда эти верования разлагались. Это нужно сказать о священных монархиях прошлого. Демократии же держатся главным образом пропагандой и риторикой политических деятелей. Происходит объективация психических состояний людей, вкорененных в глубину не индивидуального только, но еще более коллективного подсознательного. Подсознательное может принять форму сознания, которое поражает своей иррациональностью. Весь процесс происходит в сложных взаимодействиях групп людей. Совершенно ошибочна та точка зрения, которая видит в политической жизни самые корыстные чувства людей и со-

циальных групп. Так называемые интересы социальных групп сплошь и рядом носят совершенно иррациональный, противный всякому разумному расчету характер. Кучка крупных капиталистов может желать вызвать войну, автоматически сила капитализма к этому толкает. Но это может привести к гибели этих капиталистов и их капиталов, к гибели всего режима. Можно было бы сказать, что в корыстном интересе таится безумие. Людьми управляют не столько рассудительные интересы, сколько страсти. Исторически сложившиеся формы власти есть всегда уже объективированные и рационализированные подсознательные состояния и страсти. И это всегда означает создание мифов, без мифов нельзя управлять человеческими массами. Создается тот или иной миф о суверенитете. В века новой истории пытались рационализировать начало власти, создав теорию социального договора. У Гоббса, смотревшего пессимистически на человеческую природу, это привело к утверждению монархии. У Руссо, оптимистически смотревшего на человеческую природу, это приводит к утверждению демократии. Но в действительности договоры и рациональные объяснения не играют никакой роли, все формы власти опираются на подсознательные коллективные чувства и страсти, если не опираются на религиозные верования. У Боссюэта абсолютная государственная власть и абсолютная власть монарха опираются на религиозную санкцию, хотя и в противоречии с католичеством, более склонным к дуалистической системе. Ложная идея суверенитета перенесена была с монарха на народ. Людовик XIV говорил: "Государство — это я". На это революционный народ ответил: "Государство — это я". Но это тот

же самый ложный принцип суверенитета. Интересно отметить, что идея народного суверенитета возникла в монастырях, ее утвердили католические теологи Suares и Bellarmin. Правда этой идеологии отрицательная, более же высшая положительная правда заключается в том, что суверенитета нет совсем. Уже было сказано о различии античного и нового понимания свободы. Но суверенитет народа возвращает к античному пониманию. Это сказалось в формах, которые приняли социальные доктрины. Кабэ, который считал себя христианским коммунистом, отрицал в утопии совершенного строя свободу печати. Луи Блан утверждал социализм совершенно авторитарный, враждебный свободе. Гегель совершенно абсолютизировал государство, как воплощение духа, а это повлияло на абсолютизацию общества в марксизме. Не без основания говорил Монталанбер, что демократия враждебна свободе совести. Из всех социальных учений нужно сделать исключение для Прудона. Для него в центре стоит идея человеческого достоинства, что и есть справедливость. Прудон противник насилия и определяет революцию, как просветление умов. Он считался анархистом, потому что не хотел переносить суверенитет одного субъекта на другой. В этом его правда. Необходимо очищение сознания от мифов о власти, всегда опиравшихся на подсознательное. Есть только один великий миф, связанный с великой реальностью, миф о человеке, об его свободе, его творческой энергии, его богоподобии и его коммунальной связи с другими людьми и ближними.

Бесспорно начало власти связано с существованием зла. И это в двойном смысле. Власть при-

нуждена бороться с проявлениями зла; в этом ее функция. Но она и сама сеет зло и бывает новым источником зла. И тогда нужна новая власть, чтобы положить этому предел. Но потом власть, положившая предел господству злой власти, сама делается злой. И нет выхода из этого порочного круга. Победа и господство всегда означают диалектическое перерождение и превращение в обратное тому, для чего боролись. Таков исход всех революций. Революция борется против власти, ставшей злой, и она борется за власть и в ней побеждают силы, которые наиболее способны организовывать власть, вытесняя и часто истребляя менее на это способных. Революции обнаруживают и высоту человеческой природы, страстное увлечение идеей лучшего строя жизни, способность к жертвенности, забвение эгоистических интересов, — и жестокость, неблагодарность, истребление высоких духовных ценностей. Таков человек в своих противоречиях. Нужно решительно признать, что в христианстве не было откровения об обществе. Это откровение должно быть отнесено к Эпохе Духа Святого, о чем я уже много раз писал. И потому до сих пор была так трагична судьба всех попыток создания нового лучшего общества. Проблема общества есть проблема отношения не “я” к “ты”, а “я” к “мы”, и через отношение к “мы” — отношение к “ты”. Но “мы” оставалось нечеловеческим анонимом, которым беззастенчиво распоряжались и “я” и “ты”. “Мы” было объективацией человеческого существования. Власть “мы” над всеми человеческими “я” не означала человеческих отношений между ними, и это верно для всех режимов. Освобождение человека находилось лишь в отрицательном фазисе и было очень

относительным, распространялось на некоторые отдельные сферы, а не на целостного человека. Так напр., либерализм освободил человеческую мысль, науку, освободил от внешней власти церковного авторитета, но совсем не освободил представителей труда от закамуфлированной власти капитала. Освобождение же трудящегося от власти капитала может привести к закреплению мысли. Всякая власть, открыто и прикрито, включает в себе яд. Настоящее освобождение произойдет лишь тогда, когда будет преодолена идея суверенитета, к какому бы субъекту этот суверенитет не относился. Непрерывный хаос самоутверждения народов порождает войны, и человечество все время стремилось к преодолению этого хаоса, мечтало о всемирном единении. Можно установить три идеи: мировая империя (римская империя, империя Карла Великого, империя Наполеона); множество суверенных наций-государств, стремящихся к состоянию равновесия; мировая федерация свободных наций, отказавшихся от суверенитета и согласных подчиниться мировой организации. Только к последнему должно стремиться, но это предполагает радикальное, духовное и социальное изменение.

ГЛАВА V.

Об иерархии ценностей. Цели и средства

Человек есть существо оценивающее, определяющее качество. Определение ценностей и установка их иерархии есть трансцендентальная функция сознания. Даже дикарь совершает оценки. Но в нашем мире иерархия ценностей опрокинута, низшее стало высшим, высшее задавлено. Это опрокидывание ценностей касается не только Советской России, но еще может быть более Америки, да и всей Европы. Жизнь человеческих обществ стоит под знаком господства экономики, техники, лживой политики, яростного национализма. Иерархия ценностей определяется по принципу пользы, при совершенном равнодушии к истине. Духовная культура задавлена. Ставится вопрос даже не о ценностях творимых человеком, а о ценности самого человека. Цели человеческой жизни померкли. Человек перестал понимать, для чего он живет и не имеет времени задуматься над смыслом жизни. Жизнь человека заполнена средствами к жизни, которые стали самоцелью. Подмена целей жизни средствами есть очень характерный процесс человеческой жизни, которым

многое объясняется. Ярким примером является определяющая роль экономики, поразившая Маркса. Но экономика бесспорно относится к средствам, а не к целям жизни. Между целями человеческой жизни и средствами, применяемыми для осуществления целей, существует разрыв и часто нет никакого сходства. Это есть одно из порождений объективации, которая всегда совершает разрыв и подчиняется необходимости. То, что причина порождает следствие в мире феноменов, есть в сущности ненормальное явление. Это ведет к тому, что в низшем состоянии мира нужно применять силу и насилие для осуществления какой-либо цели. Характерно, что никто не выставляет прямо злых целей, зло всегда прикрывается добром, всегда крадет у добра. Зло видно лишь в применяемых средствах. Средства вообще всегда свидетельствуют о духе людей, о духе свободы или рабства, любви или ненависти. Есть опасность в осуществлении какой-либо цели во что бы то ни стало. Если для осуществления совершенно справедливого социального строя и счастья людей нужно замучить и убить несколько миллионов людей, то главный вопрос совсем не в цели, а в применяемых средствах, цель уходит в отвлеченную даль, средства же являются непосредственной реальностью. Достоевский остро поставил вопрос о том, можно ли построить райский блаженный мир на слезинке одного невинно замученного ребенка. А среди миллионов замученных для осуществления грядущего блаженства наверно есть немало невинных. Принцип "цель оправдывает средства" не нынче выдуман. Когда-то его приписывали иезуитам, применяли же его слишком многие. И вот что тут самое главное. Главное даже

не то, что средства аморальны, жестоки, не похожи на высокие цели. Главное то, что когда применяют злые, противоположные целям средства, то до цели никогда не доходят, все заменяют средствами и о целях забывают, или они превращаются в чистую риторику. Дурные средства формируют душу, добрые же цели перестают быть жизненной силой. Отсюда царство лжи, в которое погружен человек. Добрые цели христианства в прошлом слишком часто осуществлялись дурными средствами. Хотели насаждать христианство в Европе кровавыми насилиями. Православие в Византии связано было со зверской жестокостью. Слишком известны костры инквизиции, Варфоломеевская ночь, отрицание свободы совести и мысли и многое другое. Дурные средства привели к вырождению, а не укреплению христианства. Добрые цели свободы, равенства и братства французской революции тоже осуществлялись кровавым насилием, террором, свирепствовавшим в продолжение всей революции. Создано было капиталистическое общество XIX в., в котором не было никакого равенства и еще менее братства. Русская коммунистическая революция тоже применяла террор. Она поныне не создала ни братства, ни коммунистического общества. Никогда свобода не осуществляется через насилие, братство через ненависть, мир через кровавый раздор. Дурные средства отравляют. Осень революции никогда не походит на ее весну. В практике дурных средств все объявляется дозволенным в отношении врага, которого перестают считать человеком. И образуется безвыходный магический круг. Смысл слов Христа о любви к врагам выводит из этого магического круга, круга ненависти. Когда во имя освобождения утверждают

ненависть и месть, то наступает порабощение. Организация более справедливого и благодного общества не есть цель, есть лишь средство для достойного человеческого существования. Целью человечества остаются высшие ценности, но которые предполагают и очеловечение средств. Цель имеет смысл лишь в том случае, если ее начать осуществлять сейчас же, тут.

Есть два типа философии: философия ценностей и философия блага или пользы. Ценность есть качество, господствует же философия количества. Марксизм есть философия блага, а не ценностей. С марксистами нельзя даже говорить об иерархии ценностей, ибо они не принимают самой постановки вопроса о ценности, для них существует только необходимость, польза, благо. В противоположность философии марксизма, философия Ницше есть философия ценностей. Человек для него есть прежде всего творец ценностей. Но философия ценностей у Ницше противоречива и неоправдана, вследствие биологической окраски его философии и видения смысла жизни в воле к могуществу. С необыкновенной силой раскрывается в стихах Пушкина столкновение творческой свободы поэта и утилитарных требований человеческой массы, черни, которая была у него, может быть, более всего чернью дворян, чиновников, придворных, а не трудящихся масс. Чернь может менять свой социальный состав. Пушкин в страстной защите свободы творца обращался к черни: "как ветер песнь его (поэта) свободна", "печной горшок тебе дороже, ты пищу в нем себе

варишь". Пушкин говорил слова, которые так возмущали в 60-ые годы: "Мы рождены для вдохновения, для звуков сладких и молитв". И еще: "Поэт, не дорожи любовью народной. Ты царь, живи один. Дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум". Но тот же Пушкин сознавал свое служение народу и в этом служении предвидел оценку себе грядущими поколениями. Нельзя без волнения читать эти строки: "Я памятник себе воздвиг нерукотворный, к нему не заростет народная тропа"... "Слух обо мне пройдет по всей Руси великой"... "И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал, что в мой жестокий век прославил я свободу и милость к падшим призывал". И служение не противоречит творческой свободе, оно не может быть вынужденным и не имеет никакой цены, когда является результатом насилия. Самым большим злом является утилитарное отношение к истине. Истина совсем не есть слуга человека и она оправдывается совсем не пользой, которую она приносит. Человек призван служить истине. Для темы об иерархии ценностей огромное и фатальное значение имело признание экономики предпосылкой всей человеческой жизни. Экономический материализм видит в экономике первореальность, которая противопоставляется иллюзии сознания. Но оно основано на явном смешении. Экономика лишь необходимое условие и средство человеческой жизни, но не цель ее, не высшая ценность и не определяющая причина. Я не могу заниматься философией, не имея пищи, одежды, крова. Но философия несколько не определяется этими условиями. Тезис материализма, что высшее есть эпифеномен низшего и объясняется из него, есть коренная ложь, совер-

шенно необузданная. Все высшее в человеческой жизни, чем только и определена ее ценность, для материалиста должно быть иллюзией сознания, которую нужно изобличать. Это лишь деградирующее человека. Высшие цели жизни не экономические и не социальные, а духовные. Величие народа, его вклад в историю человечества, определяется не могуществом государства, не развитием экономики, а духовной культурой. Германия была наиболее велика и была вершиной европейской культуры не тогда, когда она была империей Бисмарка, а когда состояла из небольших государств. Великая культура Греции была связана с маленьким государством. Великий творческий подъем Возрождения в Италии связан с периодом раздробления Италии. Правда, великое творчество русской культуры XIX в. связано с великой Империей, но она вся была направлена против Империи. Творчество ценностей духовной культуры совсем не пропорционально государственной и экономической силе первенствующих стран.

Революция есть фатум в жизни народов, ее течение не определяется свободой, в нем есть неотвратимость. Это обыкновенно плохо понимают современники. Революция есть передвижение масс и потому не может не понижать качества. Революция всегда опрокидывает иерархию ценностей. Многие ценности свергаются революцией вследствие ложного использования их в прошлом. Революцию нельзя свергать, ее нужно внутренне изживать, защищая дух, на который она всегда посягает. Если революция отрицает свободное творчество духовных ценностей, то его отрицала и организованная, затвердевшая в своих формах ре-

лигия прошлого. Много раз говорилось, что творчество ценностей совсем не нужно для спасения души в вечной жизни. И приходится признать, что это верно. Но творчество ценностей нужно не для спасения, а для полноты Царства Божьего на небе и на земле. Лишь судебное понимание видит в христианстве исключительно религию спасения. Но это идея экзотерическая, на большей глубине христианство есть религия осуществления Царства Божьего, индивидуального, социального и космического преображения. Есть большая аналогия в отношении социальной революции к творческим ценностям. Для осуществления социальной правды, для уничтожения эксплуатации человека человеком, для создания бесклассового общества совсем не нужно свободного творчества, философии и эстетических ценностей, вредна религиозная и мистическая настроенность, противоречит цели социальной революции аристократическое понимание духовной культуры. Все это лишь отвлекает от социальной борьбы, мешает осуществлению единого на потребу. Об этом много раз приходилось слышать не только сейчас, но и пятьдесят и семьдесят пять лет тому назад. Внешне это кажется правдоподобным, но внутренне, по существу это абсолютно ложно и обнаруживает раздробленность и слабость человека. Революция в глубоком смысле слова, если она не есть только перемена одежды, как слишком часто бывает, есть целостное, интегральное изменение человека и человеческого общества. Нельзя осуществлять социальной правды без истины и красоты. Если жизнь, созданная после социальной революции будет уродлива и будет находиться на очень низком уровне познания истины, то это будет показате-

лем внутренней порчи. Уродство есть также ложь. Красота, как высшая ценность, нужна и для социальной реорганизации общества. Иначе искажится тип человека, не будет стиля и формы, образа и гармонии. При утилитарной точке зрения использования, оказываются допустимыми все средства. Тут мы встречаемся с самой зловещей ошибкой в отношении к жизни. Нет ничего более злого, чем стремление осуществить во что бы то ни стало благо. Это обыкновенно означает не излучение благодатной энергии, преображающей человека и человеческое общество, а скорее излучение злой энергии для осуществления благодатной цели. Преображающую же правду нужно видеть не столько в том, чтобы человек ставил себе благодатную цель, осуществляя ее средствами, непохожими на цель, сколько в том, чтобы он излучал благодатную энергию. Средства в гораздо большей степени заполняют жизнь людей, чем цели, которые могут делаться все более и более отвлеченными. При точке зрения качественных ценностей цели осуществляются средствами, которые сами признаются этими ценностями. Ужас человеческой жизни заключается в том, что добро осуществляют при помощи зла, правду — при помощи лжи, красоту — при помощи уродства, свободу — при помощи насилия. Для осуществления доброй цели совершали величайшие ужасы. Это имеет глубокие причины. Такие утилитарные деформации происходили и в христианстве. Для осуществления целей христианства считали возможным применять кровавое насилие и христианство так же не осуществлялось, как не осуществлялись и цели революций. Это связано прежде всего с проблемой времени, со взглядом на настоящее не как цель в себе, а

как на средство для будущего, для такого будущего, которое никогда не наступает. Сила и польза ставятся выше духа и истины. Достаточно обнаружено, что нельзя осуществить братство людей без творческого излучения братства в применяемых средствах. Насилие и принуждение допустимы только для ограничения проявлений зла, для защиты слабых. И это должно иметь место в борьбе против злостной эксплуатации, только в агрессивных, захватнических войнах.

Творчество духовной культуры, духовных ценностей, религиозных, познавательных, моральных и эстетических — аристократично и предполагает существование духовной аристократии. Духовная аристократия будет и в бесклассовом обществе. Ее исчезновение означало бы исчезновение качества. Качество — аристократично. Это не значит, что духовная культура существует лишь для немногих. Творчество великих творцов, напр., у нас Пушкина и Л. Толстого, имеет всенародное значение. Но тут надо предостеречь от смешения, которое сейчас все время происходит. Всенародное творчество совсем не значит коллективное творчество и заказное творчество. Всенародное ничего общего не имеет с коллективным. Великий творец всегда индивидуален, никому и ничему не подчинен, и в своем индивидуальном творчестве выражает дух народа; он даже гораздо более выражает дух своего народа, чем сам народ в своей коллективной жизни. И всякий творец свободен, он не терпит принуждения. Он в свободе совершает свое служение. Когда творец исполняет социальный

заказ без свободы, то продукты творчества могут быть лишь бездарными и ничтожными. Такого рода активность относится к сфере полиции, а не к сфере творчества. Употребляя довольно противное современное выражение, можно было бы сказать, что Вергилий исполнял социальный заказ цезаря Августа, но он исполнял его свободно, изнутри, подчиняясь творческому порыву. Только потому он создал гениальное произведение. Русская литература XIX в. всегда была литературой служения и учительства. И нам смешно читать, когда в современной французской литературе "engagement" считается чем-то новым. Сартр в своих статьях о литературе иногда говорит то, что в России в 60-ые годы говорили русские критики Чернышевский, Добролюбов, Писарев, но выражает это в более утонченной форме. В конце концов происходит возврат к марксистской классической точке зрения на культуру и литературу. Так хотят спасти себя от рафинированного декаданса. Культурная элита переживает тяжелый кризис и ей грозит исчезновение в массовом социальном движении нашего времени. Об этом я не раз уже писал. Изоляция, гордыня, презрение должны вести к гибели. Только сознание своего служения может спасти. Гений выражает судьбу народа, а на вершинах и судьбу человека и мира. Но есть обратная опасность, опасность приспособления и утери свободы. Творец прежде всего и превыше всего должен хранить свою творческую свободу. Только через эту свободу возможно для него служение и выражение судьбы народа. Одинаково ложен изолированный индивидуализм и механический производственный коллективизм. Слово коллективизм должно было быть совершенно исклю-

чено; мы дальше увидим, что оно лишь каррикатура на коммунотарность. Коммунотарность всегда свободна, коллективизм всегда принудителен. Нельзя допустить понижения качества творчества во имя количества. Делом творцов культуры должно быть не унижительное приспособление к массовому социальному движению, а обогащение этого движения, внесение в него аристократического начала качества. Народ выражает свое призвание в мире в своих великих творцах, а не в безликой коллективности. Такие великие явления мировой культуры, как греческая трагедия или культурный ренессанс, как германская культура XIX в. или русская литература XIX в., совсем не были порождениями изолированного индивидуума и самоуслаждением творцов, они были явлением свободного творческого духа. Служение народу есть вместе с тем творческое созидание народа. Творчество духовной культуры всегда означает соблюдение иерархии ценностей, единственной иерархии, которая может быть оправдана. Это приводит нас к столкновению ценности справедливости и ценности свободы, основной теме современной мировой эпохи.

Сейчас очень любят противопоставлять ценность социальной справедливости ценности свободы и предлагают выбирать. Эти основоположные в жизни общества ценности располагают географически: Советская Россия за социальную справедливость, Америка за свободу. Поэтому считают неизбежным конфликт. При этом свобода оказалась почти совершенно отождествленной с капитализмом. Против такого рода постановки вопроса нужно всеми силами протестовать. Меня будет сейчас интересовать совсем не политическая

злоба дня, а вечный вопрос о справедливости и свободе. По существу о свободе и ее противоречиях речь будет идти в следующей главе. Но возможно ли противопоставлять свободу и справедливость? Свобода — есть что-то гораздо более изначальное, чем справедливость. Прежде всего справедливость — юстиция, есть совсем не христианская идея, это идея законническая и безблагодатная. Христианство явило не идею справедливости, а идею правды. Чудное русское слово **правда**, которое не имеет соответствующего выражения на других языках. Насильственное осуществление правды — справедливости во что бы то ни стало может быть очень неблагоприятно для свободы, как и утверждение формальной свободы может порождать величайшие несправедливости. Это есть обнаружение противоречий человеческой жизни. Такое же противоречие и конфликт может быть между свободой и любовью, между любовью и справедливостью и т. п. Трагизм человеческой жизни прежде всего не в конфликте добра и зла, а в конфликте положительных ценностей. Во имя свободы человек может пожертвовать любовью, во имя социальной справедливости может жертвовать свободой, во имя жалости может жертвовать научным призванием и т. д. Но все это совсем не означает, что в организации человеческого общества необходимо или отказаться от свободы, или отказаться от справедливости. Необходимо стремиться к свободному и справедливому обществу. Без свободы не может быть никакой справедливости. Это будет отвлеченная справедливость, не имеющая отношения к конкретным людям. Справедливость требует свободы для всех людей. Я могу ограничить свою свободу во имя жалости

к людям, но могу это сделать только свободно и только в этом случае это имеет ценность. Принудительная жертва не имеет никакой ценности. И мой отказ от свободы перед конфликтами жизни может быть лишь актом свободы. И есть свобода, от которой человек не имеет права отказываться, если хочет сохранить достоинство человека — такова свобода совести, свобода духа. Отчуждение совести не может быть терпимо ни во имя чего, ей принадлежит верховенство. Никакая социальная справедливость не может этого требовать. Вопрос очень осложняется еще тем, что имеют в виду не только справедливое общество, в котором не будет эксплуатации человека человеком, а братское, коммунотарное общество. Тут мы встречаемся с огромным принципиальным различием. Закон может принуждать людей к справедливости, но не может принуждать к братству. Жалость, милосердие, любовь есть благодатное дело свободы, а не принуждающего закона. Принуждающий закон могут считать противоположением свободе, но не самой справедливости, а еще меньше братство. Да и сам принуждающий закон может быть охранением свободы от человеческого произвола. Утверждение социальной справедливости в отношении к трудящимся классам может означать именно освобождение этих трудящихся масс от гнета. В XIX в. любили говорить об освобождении труда. Социализм связывали со свободой человека. Если в XX в. предпочитают говорить о плановом хозяйстве, о дирижизме, об усилении власти государства над человеком, то это главным образом потому, что мы живем в мире, созданном двумя мировыми войнами и готовимся к третьей мировой войне. Мы живем в мире, в котором ре-

волюция является лишь трансформацией войны. Это определяет все ценности. Мы живем в хаотическом мире, в котором свобода представляется непозволительной роскошью. Проблема справедливости и свободы ставится совсем не в ее чистоте, она погружена в мутную атмосферу. В конце концов в современном мире нет ни справедливости, ни свободы. Борьба за элементарные блага, за самую возможность жизни, вытесняет вопрос о ценностях. На вершинах цивилизации происходит элементаризация, которая лишь представляется сложной.

Можно мыслить три исхода из кризиса, к которому приходит мир: 1) Исход фатальный. Продолжающееся распадение космоса, космоса природного и космоса социального, продолжающийся разлагаться капиталистический режим, торжество атомной бомбы, хаотический мир, раскрытый в творчестве Генри Миллера, хаос не изначальный, не начала, а хаос конца, война всех против всех. Это гибель мира, и мы не можем его допустить. 2) Насильственный, механический порядок коллектива, организованность, не оставляющая места свободе, деспотизация мира. Это также трудно допустить. 3) Внутреннее преодоление хаоса, победа духа над техникой, духовное восстановление иерархии ценностей, соединенное с осуществлением социальной правды. До сих пор преобладает смешение первого и второго исхода. Мир как бы вступает в период принудительного организованного хаоса, который внутренне нисколько не побеждается. Третий исход, единственно желанный, обращен к человеческой свободе, он не может быть результатом фатальной необходимости. В первом и втором исходе, и в их

смещении, человек внешне как будто бы активен, но внутренне он пассивен. И при этом ни о какой иерархии ценностей не может быть и речи. Духовные ценности просто не существуют. Это совершенное низвержение духовных ценностей в бездну. Можно быть одинаковым пессимистом в первом случае и оптимистом во втором случае. Совершенно нелепо требовать, чтобы было доказано существование духовных ценностей и большая высота их по сравнению с так называемыми витальными ценностями. Духовные ценности прежде всего утверждаются актом моей свободы. Самое нужное не есть самое ценное. Высшие духовные ценности исчезают, когда свобода не направлена к их утверждению. Человек свободен признавать реальным лишь очень малый, очень поверхностный мир, он свободен отрицать свою свободу. Вопрос о реальности очень сложный вопрос и он кажется простым лишь для сознания не философского. Жизнь приобретает глубину и значительность лишь при понимании ее в духе символического реализма. Видимый мир есть символ мира невидимого. Невидимый мир не есть навязанная нам и принуждающая нас реальность, он обращен к свободе духа. При этом творимое свободным духом есть и наиболее реальное.

ГЛАВА VI

Противоречия свободы

Философия свободы начинается со свободного акта, до которого нет и невозможно бытие. Когда в основу кладется бытие и признается примат бытия над свободой, то все им детерминировано, детерминирована и свобода, но детерминированная свобода не есть свобода. Но возможен другой тип философии, который утверждает примат свободы, творческого акта над бытием. Только второй тип благоприятен свободе, но невозможно рациональное определение свободы. Это признавал и Бергсон. Из двух типов метафизики интеллектуальной и волюнтарной — первый всегда неблагоприятен свободе, второй же благоприятен. Но и волюнтарная метафизика сама по себе не есть еще философия свободы. Что должно быть решительно утверждено, так это то, что свобода есть дух, а не бытие. То что называли эссенцией или субстанцией есть создание первичного экзистенциального акта. Интеллектуальная греческая мысль была очень неблагоприятна для свободы. Добро было детерминировано разумом. Примат и господство разума не признает свободы, Я не имею сейчас возможности анализировать сложное отношение между сво-

бодой, случаем, роком, промыслом и благодатью, Но на одном соотношении необходимо остановиться, на соотношении свободы и благодати. Вокруг этой темы ряд столетий происходили страстные споры в западном христианстве. Но мне представляется ошибочным самое противопоставление свободы и благодати. Это противопоставление означало объективацию благодати и понимание ее, как действующую извне божественную необходимость. Но то, что называют благодатью, действует внутри человеческой свободы, как ее просветление. Нельзя смешивать логическую необходимость в познании и необходимость в самой жизни мира; но и в самом познании нет исключительной логической необходимости, которая занимает лишь часть познания. Необходимо признать, что существует и иррациональное познание и оно играет большую роль. Только потому и возможно познание иррационального. Так называемый рационализм включает в себе совершенно иррациональные элементы, это особенно нужно сказать о материализме. Философски определить свободу пытались через волюнтаристическое понимание ее, как акта причинности (напр. Мен де Биран, Лопатин); но это не доходило до глубины проблемы. Глубина требует признания существования первичной несотворенной свободы, которая находится и вне психологической причинности. Так называемое традиционное учение о свободе воли всегда носило педагогическо-учительный характер. Это учение определяет ответственность человека в этой жизни и в жизни иной. Совершенно несостоятельной нужно признать свободу безразличия, которая есть механизация свободы. Настоящая проблема свободы должна быть поставлена вне награды и

наказания, вне спасения или гибели, вне споров Бл. Августина с Пелагием, Лютера с Эразмом, вне споров по поводу предопределения, которое нужно отрицать в самой изначальной постановке вопроса, отрицать самое слово и понятие. Все это находится еще в пределах судебного понимания христианства, в пределах идей освящения и оправдания, вместо идеи преобразования. Настоящая проблема свободы есть проблема творчества. По замыслу своей книги я буду интересоваться не метафизической идеей свободы по существу, а главным образом ее последствиями в жизни социальной.

Свободу часто понимают статически, между тем как понимать ее нужно динамически. Существует судьба свободы в мире, экзистенциальная диалектика свободы в мире. Свобода может переходить в свою противоположность. Рабство может быть порождением ложно направленной свободы. Наиболее общее определение свободы, обнимающее все частные определения, заключается в том, что свобода есть определение человека не извне, а изнутри, из духа. Духовное начало в человеке есть истинная свобода, а отрицание духа, додуманное до конца, — неизбежно есть отрицание свободы. Материализм неизбежно ведет к отрицанию свободы. Свобода вкоренена в царство Духа, а не в царство Кесаря. Кесарь никому не хочет давать свободы. Она получается лишь через ограничение царства Кесаря. Объективированный мир, каким и является царство Кесаря, есть мир порабащающий. Другое различие свободы, которое часто делают, есть различие свободы внутренней и свободы внешней. Говорят, что человек может быть внутренне свободен, и в цепях, может быть свободен, когда его сжигают на костре. Это вер-

но. Но вопрос о внутренней свободе сложнее, чем обыкновенно думают, особенно когда не интересуются внутренней жизнью человека. Человек может быть рабом не только внешнего мира, но и самого себя, своей низшей природы. Освобождение рабов во внешнем обществе не есть еще освобождение от внутреннего рабства. Человек может стать внутренне рабом. В этом причина того, что революции не приводят обыкновенно к созданию нового свободного общества и всегда заключают в себе возврат к старому обществу. В революциях обыкновенно бывает меньше всего свободы. Определение свободы как выбора есть еще формальное определение свободы. Это лишь один из моментов свободы. Настоящая свобода обнаруживается не тогда, когда человек должен выбирать, а тогда когда он сделал выбор. Тут мы приходим к новому определению свободы, свободы реальной. Свобода есть внутренняя творческая энергия человека. Через свободу человек может творить совершенно новую жизнь, новую жизнь общества и мира. Но было бы ошибкой при этом понимать свободу, как внутреннюю причинность. Свобода находится вне причинных отношений. Причинные отношения находятся в объективированном мире феноменов. Свобода же есть прорыв в этом мире. Свобода приходит из иного мира, она противоречит закону этого мира и опрокидывает его. Одинаково неверно рассматривать свободу лишь как средство для осуществления коллективного социального строя и рассматривать свободу как исключительно зависящую от социального строя. Мы увидим, что от формального и реального понимания свободы зависят противоречия свободы в социальной жизни. Свобода, которая делается

слишком легкой, не требующей героической борьбы, вырождается и теряет свою ценность. Выродившаяся свобода выражается лишь в отрицательном сознании, что меня не насилуют. Предельное выражение упадочной свободы это: "оставьте меня в покое". Свобода совсем не есть легкость, свобода трудна и тяжела. Свобода есть не право, а обязанность. Либералы обыкновенно понимают свободу, как право, а не обязанность, и свобода для них означает легкость и отсутствие стеснений. Поэтому свобода превращается в привилегию господствующих классов. В более глубоком смысле свобода есть совершеннолетие человека, создание долга перед Богом быть свободным существом, а не рабом. Героическое понимание свободы противоположно старому либеральному пониманию свободы. Свобода предполагает сопротивление, она есть обнаружение силы. Декларация прав человека и гражданина, чтобы не быть формальной, должна быть также декларацией обязанностей человека и гражданина. И ударение должно быть сделано на человеке, как существе духовном, чего обыкновенно не делалось в политических революциях. Слишком известно, что в демократиях может совсем не быть настоящей свободы. В якобинской демократии, вдохновленной Руссо, может утверждаться принцип тоталитарного государства, самодержавие народного суверенитета. В демократиях капиталистических деньги и подкупленная печать могут править обществом и лишать реальной свободы, между тем, как декларация прав человека и гражданина имела религиозные истоки, она родилась в утверждении свободы совести реформацией. Но от этого религиозного истока потом произошло отдаление. Поэтому внутренне не освобожденные

души создавали новые формы рабьего общества. Лживая пропаганда совершает насилие над массами. Массы, подверженные этой пропаганде, не имеют внутренней свободы. Злоба и ненависть, вызванные демагогической пропагандой, делают людей внутренне рабами. И этими рабскими чувствами пользуются для своих целей и власть и партии. Ни о какой действительной демократии при этом не может быть и речи. Общество будет таким, каковы составляющие его люди.

Свобода, как выбор и свобода, как творческий акт есть основное различие свобод. Но есть еще более важный, основной вопрос, который ставится, когда речь заходит о свободе, и от его решения зависит судьба свободы в мире. И мы встречаемся с трудно преодолемым противоречием. Это вопрос об отношении свободы и истины. Возможна ли свобода без познания истины и возможно ли познание истины без свободы? В Евангелии сказано: "Познаете истину и истина сделает вас свободными". Это предполагает, что истина, истинная истина, освобождает. Эти евангельские слова перефразированы в современном мире и их повторяет современный тоталитаризм, враждебный свободе. Так, марксизм-коммунизм говорит: "познайте истину марксистскую, коммунистическую истину и она сделает вас свободными. Вне этой истины свободы нет, вне ее есть ложь, ложная формальная свобода, утверждаемая в капиталистических обществах". Помня связь марксизма с гегелианством, можно сказать, что это познание истины дает свободу, как признание необходимости. Это совершенно обратное христианству понимание свободы. Для христианства истина есть также Путь и Жизнь. Она не только дает свободу,

но и открывается в свободе. Для истины нужна свобода. Христианство впервые по настоящему утверждает свободу духа. Истина о свободе была запечатлена кровью мучеников. Христианство есть религия распятой правды. Распятая правда не принуждает, она обращена к свободе. И было изменой христианству, когда христианскую правду хотели сделать принудительной. До конца времен остаются два царства. Конфликт христианства и империи был конфликтом духа и кесаря, которого не могло быть в дохристианском языческом сознании. В своей религии античный человек принадлежал государству. Никакой сферы свободы от государства и общества, свободы духа не могло быть. Это есть монизм, который не может знать по настоящему свободы. Тоталитаризм не есть исключительно новое явление нашего времени. Христианская теократия и империализм были тоталитарными и они монистически отрицали свободу духа. Империалистический режим Наполеона был тоталитаризмом не доведенным до конца. Но тоталитаризм в христианский период истории есть всегда возвращение к языческому монизму. Абсолютное государство Гегеля, как воплощение духа, было также возвратом к язычеству. То же надо сказать об авторитарном режиме О. Конта, который можно характеризовать, как католичество без Бога. Бога сделали врагом свободы и хотели видеть свободу в освобождении от идеи Бога. В этой страшной лжи повинно было христианство в истории. Дух тоже сделали врагом свободы и признали даже материализм благоприятным для свободы. Но трудно себе представить большую аберрацию. Свобода предполагает существование духовного начала, не детерминированного ни природой, ни

обществом. Свобода есть духовное начало в человеке. Если человек существо целиком детерминированное природой и обществом, то не может быть никакой свободы. Материализм есть полное отрицание свободы, и социальный строй, основанный на материализме, не может знать никакой свободы. Мы это и видим на практике. Свобода есть прежде всего свобода личности. Если отрицать ценность личности и сомневаться в ее реальности, то ни о какой свободе не может быть и речи. Личность есть граница власти природы, власти государства, власти общества. Но личность существует лишь в том случае, если человек есть свободный творческий дух, над которым кесарь не всесилен.

Сложность проблемы свободы в ее социальных последствиях в том, что средний человек масс в сущности не очень дорожит свободой. И совсем не к свободе стремятся революционные движения масс. Для того, чтобы человек боролся за свободу, нужно, чтобы свобода в нем уже была, чтобы внутренне он не был рабом. Демагогия, к которой всегда прибегают в обращении к массам, есть лишение людей свободы, есть психологическое насилие. Управлять массами, активно вступившими в историю, совсем не легкая вещь. В сущности свобода аристократична, а не демократична. С горечью нужно признать, что свобода мысли дорога лишь людям, у которых есть творческая мысль. Она очень мало нужна тем, которые мыслью не дорожат. В так называемых демократиях, основанных на принципе народного суверенитета, значительную часть людей составляет народ, еще не сознающий себя свободными существами, несущими в себе достоинство свободы. Предстоит еще

воспитание к свободе, что не делается быстро. Старый принцип авторитета, ограничивающий, а иногда и совсем отрицающий свободу, сокрушен и его нельзя восстановить. Но потом создались новые авторитеты, для которых пытаются найти санкцию в самих массах, но авторитеты эти шатки и более тяжки, более истребительны для свободы, чем прежние. Нужно признать, что свобода скорее аристократична, чем демократична. И вместе с тем свобода делает возможными демократии. Отрицательным в демократиях является то, что они не столько ограничивают власть, сколько переносят ее на новый субъект. В либерализме когда-то была доля истины, но она была совершенно извращена и искажена. Осуществленный в жизни экономический либерализм стал капиталистической системой «laissez faire, laissez passer». Наименее благоприятно для свободы якобинское понимание демократии. Противоречия свободы в социальной жизни выражаются еще в том, что дорожа сохранением данного режима, напр., капитализма, начинают воспринимать неподвижность и неизменность, как свободу, а движение и изменение, как нарушение свободы. Класс, который в молодости видел свободу в движении и требовал свободы, в старости начинает видеть свободу в неподвижности. Буржуазные классы, склоняющиеся к упадку, видят в социальных реформах, самых скромных, нарушение свободы. И в самом деле всякое движение и изменение производит перестановки в окружающей среде, которые могут казаться насилием. Это только доказывает, что совершенно несостоятельно статическое понимание свободы. Такая статическая свобода торжествует в *status quo*, это кесарев принцип. И по-

тому мы имеем такое парадоксальное явление, что реакционеры, враждебные всяким социальным изменениям, могут прикрываться защитой свободы. Против этого нужно утверждать динамическое понимание свободы, свободы творческого движения. Но всегда подстерегает опасность, что во имя свободы начнут отрицать свободу. Диктаторы и тираны, отрицая свободу для других, для себя очень любят свободу и всегда утверждают ее для тех, которые идут за ними и с ними связаны. По настоящему любит свободу тот, кто утверждает ее для другого. Есть одно мерило, которым можно измерить свободу, это — веротерпимость, явление редкое, если понять ее в глубине. Совершенно неверно отождествление веротерпимости с индифферентным скептицизмом. Нетерпимость обыкновенно связывали с сильными религиозными верованиями и в нетерпимости национальной или революционно-социальной видели перенесение религиозной веры на другие сферы. Крайняя форма нетерпимости есть фанатизм. Люди терпимые представляются тепло-прохладными. Это поверхностное суждение. Фанатизм, т. е. предельная форма нетерпимости, есть утеря внутренней свободы. Фанатика поработала идея, в которую он верит, она суживает его сознание, вытесняет очень важные человеческие состояния; он перестает внутренне владеть собой. Фанатик не может установить никакой связи между идеей, которой он одержим, и свободой. И это даже в том случае, если он делается одержимым идеей свободы. Нетерпимость, смягченная форма фанатизма, есть всегда также сужение сознания, есть непонимание множественности и индивидуальности жизни. Истина требует свободы, свободы для того, кто

открывает истину, и свободы для других. Веротерпимость связана с тем, что истина бесконечна, открывает бесконечный путь, и превращение истины в конечность, что есть нетерпимость и фанатизм, есть в сущности измена истине. Нетерпимые и фанатики обыкновенно бывают страшно ортодоксальны, все равно какие — католики, православные, марксисты — и в ортодоксальности этой происходит окостенение веры, прекращение движения жизни. Спор означает терпимость. Его не принимают ортодоксии. Терпимость, которая не будет индифферентизмом, есть движение в бесконечность. И ни один человек не может себя считать обладающим полнотой и завершенностью истины.

В социальной жизни существуют ступени свободы. Свобода должна увеличиваться по мере приближения к духу и уменьшается по мере приближения к материи. Максимальная свобода есть свобода духовной жизни, минимальная свобода есть свобода материальной жизни. Понятно, что нормально должно быть так, ибо дух есть свобода, материя же есть необходимость. Но часто бывают извращения, отрицается свобода мысли и духа и признается очень большая свобода в жизни экономической. Экономика есть работа духа над материей мира, от которой зависит самое существование людей в условиях этого мира. Абсолютная свобода в экономической жизни, т. е. совершенная ее автономия, и была системой «laissez faire, laissez passer», т. е. капиталистической системой. Она ставит в очень тяжелое положение огромные массы человечества. Это делается источником эксплуатации. Поэтому экономическая свобода должна быть ограничена, ограничена во имя

свободы же. По мере того, как мы возвышаемся от материальной стороны жизни к ее духовной стороне, свобода должна увеличиваться. Если иногда возможна диктатура экономическая и политическая, то совершенно недопустима и не может быть оправдана диктатура интеллектуальная и духовная. Когда остро ставится вопрос о "хлебе" (символ экономики) для человеческого общества, то можно признать необходимой экономическую диктатуру. Диктатуру интеллектуальную считают справедливой, потому что без нее, т. е. без навязанного государственной властью известного мирозерцания, не может осуществляться диктатура экономическая. Это и есть тоталитарный строй, который практически всегда означает господство полиции над жизнью народа. Очень труден и драматичен вопрос об отношении двух великих символов в жизни общества: символа "хлеба" и символа "свободы". Когда начинается движения масс в борьбе за "хлеб", то всегда жертвуют "свободой". Духовную и интеллектуальную свободу защищают лишь небольшие культурные слои. К этому присоединяется еще то, что символом "свободы" злоупотребляли для дурных, совсем не освободительных целей. И тем не менее свобода остается величайшей духовной ценностью, большей чем ценности витальные. Для свободы можно и должно пожертвовать жизнью, для жизни не должно жертвовать свободой. Со свободой связано качество жизни, достоинство человека. Нельзя дорожить жизнью, недостойной человека. Трудящиеся массы естественно дорожат материальной стороной жизни, которая их не удовлетворяет и ставит их в зависимое положение. Им кажется и им это внушают, что они борются за экономиче-

ские блага, которые признают первоосновой жизни, но тем самым они должны бороться за свободу. Недостаток “хлеба” есть также недостаток “свободы”. Нерешение вопроса экономического не дает возможности реализовать свободу. В действительности мы видим, что неизбежность социального переустройства общества сопровождается уменьшением свободы, не только экономической и политической, но и интеллектуальной и духовной. Сосредоточенность на материальной стороне жизни, которая наиболее далека от свободы, ведет к тому, что в ней начинают видеть не средства, а цель жизни, творческую духовную жизнь или совсем отрицают или подчиняют материальной жизни, от нее получают директивы. Борьба за свободу духа может принимать героический характер. Мы должны сохранить веру, что после периода погружения в материальную сторону жизни и торжества материализма начнется период более очищенный и направленный к духовности. Духовность прошлого была иногда слишком прикреплена к материальной жизни, которая почиталась освященной органической жизнью, как бы сотворенной Богом и неизменной. Ныне дух отрывается от этой связанности с органической плотью жизни. Свобода основана не на природе (естественное право), а на духе. Это период мучительный и трудный, в котором радость жизни ослабевает. Свобода есть главный источник трагизма жизни. Жизнь в божественной необходимости была бы бестрагична. Этот трагизм свободы должен быть принят человеком. Он не имеет права облегчать себя. Легкого решения проблемы свободы не существует. Два великих принципа жизни — свобода и любовь могут вступать в кон-

фликт. Свобода может быть ограничена любовью, любовь ограничена свободой. И это не всегда бывает гармонично. В жизни же социальной происходит столкновение менее чистых принципов. Свобода ограничивается не любовью, а экономикой, которая делается всевластной. Иногда это называется требованием справедливости, но не всегда это можно так назвать. Достижение же монизма можно мыслить лишь эсхатологически.

ГЛАВА VII.

Коммюнитарность, коллективизм и соборность

Слово коллективизм очень часто употребляют, не давая себе и другим отчета в том, что это значит. Обыкновенно коллективизм понимают, как противоположение индивидуализму. Смещение коллективизма и коммюнитарности (общинности) обычно происходит, и не очень любят, когда делается различие: многие с гордостью говорят, что они вступили в коллективную эпоху. Происхождение терминов иногда бывает случайным. Повидимому слово "коллективизм" было впервые употреблено на Базельском социалистическом конгрессе (1869) в противоположность эстетическому социализму марксизма. Потом смысл термина изменился и самый марксизм начали называть коллективизмом. Сейчас коллективизм почти отождествляется с коммунизмом. Но очень важно установить различие и противоположность между коллективизмом и коммюнитарностью. Хотя коммунизм принимает форму крайнего коллективизма, но само слово коммунизм лучше, чем слово коллективизм. Трудно совершенно изгнать из употребления слово коллективизм, как я хотел бы, потому что им пользуются для обозначения

таких реальностей, как напр. армия, нация, класс и пр., реальностей сверхличных. Это коллективные реальности и о них часто не критически мыслят в духе реализма понятий. Это всегда лишь процесс объективации и социализации, который принимает за первореальности реальности производные и вторичные. Так называемые “коллективные” реальности должны быть конечно признаны реальностями совсем иного порядка, чем реальность человеческой личности или даже реальность животного. “Коллективная” реальность имеет экзистенциальный смысл в человеческой жизни, но она совсем не то значит, что думают, желая подчинить ей человеческую личность. Можно употреблять прилагательное “коллективный”, но нельзя употреблять существительное “коллектив”. Коллективизм есть *das Man*. Существуют “коллективные” реальности, но не “коллективы”, как реальности. Коллектив есть не реальность, а известная направленность людей и групп, состояние, в котором они находятся. Коллективизм есть ложное состояние сознания, создающее лже-реальности. Сознание создает много лже-реальностей. Коллектив не имеет той доли реальности, которую напр. имеет нация или класс. Мы часто говорим о коллективном сознании, национальном, церковном, классовом и пр., как будто коллективы могут иметь сознание. В действительности это есть лишь метафорическое выражение. Так называемые коллективные реальности не имеют субъективного сознания. Не может быть сознания церкви, нации, класса, но может быть церковное, национальное, классовое сознание людей, группирующихся в этого рода реальности. Это сознание людей объективируется в *quasi* реальности. Церковь есть без-

спорная реальность, и реальность духовно-мистическая, и реальность социально-историческая. Но эта реальность совсем не означает какого-то коллектива, стоящего над личностями, принадлежащими к церкви и обладающими своим сознанием. Церковь имеет огромный экзистенциальный смысл в судьбе людей, но социальная объективация духовной реальности церкви не может претендовать на первореальность, это реальность производная. Главная особенность так называемых коллективных реальностей заключается в том, что они не имеют экзистенциального центра, не могут страдать или радоваться. Способность же к страданию есть главный признак подлинной первореальности. Не может страдать церковь, нация, рабочий класс; страдать могут только люди, входящие в эти сверхличные образования. В пределах нашего падшего феноменального мира всегда остается невозможность примирить противоположность между общим и частным. Отсюда получается деспотическая власть общего "коллективного" над частным, индивидуальным. Нужно всегда помнить, что мы вращаемся в мире на половину иллюзорным, созданном ложным направлением сознания. Ложь коллективизма заключается в том, что он переносит нравственный экзистенциальный центр, совесть человека и его способность к суждениям и оценкам из глубины человеческой личности в quasi реальность, стоящую над человеком. В коллективизме человек перестает быть высшей ценностью. Этот процесс экстериоризации человеческого сознания в разных формах происходил на протяжении истории. Можно удивляться, что говорят об оригинальности нового коллективного человека, нового коллективного сознания, проти-

воположного всему персональному. Но ведь тако-
во почти все прошлое человечества. С первых
времен преобладало коллективное, групповое со-
знание. Люди мыслили и судили по принадлеж-
ности к "коллективу" племени, нации, государ-
ства, семьи, сословия, конфессии и пр. У человека,
сознававшего себя принадлежащим к дворянскому
сословию или к какому-нибудь полку гвардии,
сознание было не менее "коллективным", чем у
советского человека, сознающего себя принадле-
жащим к коммунистической родине. Личное мы-
шление и личные суждения всегда были большой
редкостью, скорее исключением. Пробуждение
личности есть позднее пробуждение. И в так на-
зываемый индивидуальный, либеральный, буржу-
азный период истории люди мыслили безлично,
судили по своей принадлежности к буржуазному
классу, какой-либо форме индустрии, по обыва-
тельскому мнению. Всегда преобладало то, что
Гейдегер называет "das Man", безличное под-
чинение мнения, "так говорят". Оригинальность
современного коллективизма заключается лишь в
том, что он хочет произвести универсальную, все-
общую коллективную совесть, мнение, мышление
и оценку людей, а не проявление разнообразных
группировок. Противоположение индивидуализму
совершенно неверное и путанное, потому что со-
всем не было того индивидуализма, который хо-
тят отрицать. Если в буржуазном капиталистиче-
ском обществе мнение людей определялось их
собственностью и материальным положением, то
это менее всего значит, что это мнение было ин-
дивидуальным и персональным. Настоящее со-
циальное освобождение и заключалось бы как
раз в возможности индивидуального, личного со-

знания, мышления, оценки. Тут мы сталкиваемся с решительным противоположением коллективизма и коммюнитарности.

Коллективизм существовал в исторических объективациях религий, отдельно и в православии и в католичестве. На противоположном конце он обнаруживается в коммунизме и фашизме. Коллективизм обнаруживается всегда, когда в общении и соединении людей утверждается авторитарность. Коллективизм не может быть не авторитарным, он не может допустить свободы в общении. Коллективизм всегда значит, что нет настоящей коммюнитарности, общности, что для организации общества нужно создать фиктивную реальность коллектива, от которого исходят руководства и приказы. Когда падают старые авторитеты, когда не верят больше в суверенитет монархий или демократий, то создается авторитет и суверенность коллектива, но это всегда означает внутреннюю неосвобожденность человека и не коммюнитарность людей. В чем принципиальное различие между коммюнитарностью и коллективизмом? Коллективизм означает отношение человека к человеку через его отношение к коллективной реальности или псевдореальности, к объективированному обществу, стоящему над человеком. Коммюнитарность же означает непосредственное отношение человека к человеку через Бога, как внутреннее начало жизни. Коллективизм не хочет знать живого отношения человека к человеку, он знает лишь отношение человека к обществу, к коллективу, который уже определяет отношение человека к человеку. Коллективизм не знает ближнего в евангельском смысле слова, он есть соединение дальних. Коллективизм носит антипер-

соналистический характер, он не знает ценности личности. Коммюнитарность же персоналистична, есть общность и общинность личностей. Это разница огромная. Коллективизм есть ложное понимание общения и общности людей. И вот что самое важное: в “коллективистичную” эпоху происходит не только социализация и коллективизация экономической и политической жизни, но и совести, мысли, творчества, экстериоризация совести, т. е. перенесение ее из глубины человека, как духовного существа, во вне на коллектив, обладающий авторитарными органами. Яркий и жуткий пример этой экстериоризации совести — московский процесс старых коммунистов. Во избежание недоразумений, которыми пользуются для дурных целей, нужно сказать, что помещение совести и органа оценки в духовную глубину человека менее всего означает то, что любят называть “индивидуализмом”. Совесть означает не замыкание и изоляцию человека, а размыкание, победу над эгоцентризмом, вхождение в универсальную общность. Но это не имеет никакого смысла для тех, которые отрицают духовную глубину человека и рассматривают его лишь выброшенным во вне.,

Современный коллективизм в значительной степени результат безличного, анонимного характера капитализма. Капитализм создал пролетаризованные массы, которые по несчастью своему склонны к коллективизму вместо коммюнитарности. Тут мы приходим к русско-православной идее соборности, которую плохо понимают. Идея соборности выражена главным образом Хомяковым, который неразрывно связывал ее со свободой и любовью. Соборность церковная не есть какой-либо авторитет, хотя бы авторитет собора

епископов и даже вселенских соборов, а есть пребывание в общении и любви церковного народа и Духа Святого. Внешних признаков для соборности не существует, они существуют для организации в государстве и обществе. Это есть таинственная жизнь Духа. "Мы" в соборности не есть коллектив. Коллективизм не соборность, а сборность. Он носит механически-рациональный характер. Объективация страстей, интересов, ненависти людей и групп может принять форму коллектива. На этой почве может образоваться ложная мистика коллективизма и она может быть очень динамичной. Главное зло в образовании коллективного сознания и коллективной совести в том, что это только метафорическое, фигуральное выражение, но реальность, скрытая за этими словами, иная. Через коллективное сознание и коллективную совесть, получающие мистический характер, начинает господствовать одна группа людей над другими группами. Коллективизм — орудие господства и за ним скрыта воля к могуществу. Настоящая тирания может быть оправдана ложной мистикой, хотя слово мистика может не только не употребляться, но даже быть запрещено. Коллективизм выставляет своих вождей, которые могут быть не лучшими. Вожди вообще редко бывают лучшими. Коллективизм всегда утверждается через насилие над человеческой личностью. Коммюнитарность и соборность всегда признают ценность личности и свободу.

Коммюнитарность есть духовное качество людей, общность и братство в отношениях людей, и она совсем не означает какой-то реальности, стоящей над людьми и ими командующей. Коммюнитарность оставляет совесть и оценку в глубине че-

ловеческой личности. Совесть одновременно может быть личной и коммюнитарной. Коммюнитарность обозначает качество личной совести, которое не может быть замыканием и изоляцией. Религиозная коммюнитарность и называется соборностью, которая противоположна всякому авторитарному пониманию церкви. Коллективизм же, как было уже сказано, есть отчуждение, экстериоризации сознания и совести, перенесение их на фиктивную реальность коллектива. В то время как соборность означает высокую качественность сознания, коллективизм означает объективирующую консолидацию подсознательного, которое всегда играло огромную роль в исторических проявлениях коллективизма. Объективация церкви в истории сплошь и рядом означала авторитарный коллективизм. На такого рода церковный коллектив переносилась религиозная совесть. Поэтому только и было возможно отрицание «свободы» религиозной совести. Соборность - коммюнитарность не может означать никакого авторитета, она всегда предполагает свободу. Авторитарен всегда лишь коллективизм. И коллективизм всегда означает отчужденное сознание. Это отчужденное сознание, опирающееся на подсознательные инстинкты, могло создавать разнообразные, исторические авторитарные формы, начиная с теократий и абсолютных монархий до якобинской демократии, тоталитарного коммунизма и фашизма в открытых и прикрытых формах. Государство гораздо легче выражает коллективизм, чем коммюнитарность. Нужно решительно установить, что личность противоположна не общине и общинности, а вещи и коллективу. Коллективизм вещное, объектное понимание коммюнитарности. Коллективизм глубоко

противоположен пониманию социализма, как превращения человека из объекта в субъект, он именно имеет тенденцию превращать человеческую личность в объект. Но единственное оправдание социализма заключается в том, что он хочет создать общество, в котором ни один человек не будет объектом и вещью, каждый будет субъектом и личностью. В марксизме есть две тенденции — тенденция к объективации и отчуждению человека в коллектив, и тенденция к субъективизму, к освобождению труда и трудящихся от власти общества, к гуманизации общества. Только вторая тенденция заслуживает сочувствия, с первой же нужно духовно бороться. Именно первая тенденция создает ложную тоталитарную религию, религию авторитарного коллективизма. В истории есть две тенденции, — тенденция к социализации и тенденция к индивидуализации. Обе тенденции необходимы. Сегодня и завтра день принадлежит тенденции к социализации. Это соответствует неизбежности переустройства человеческих обществ. Но века грядущие будут принадлежат тенденции к индивидуализации. И духовная почва для этого должна готовиться и ныне. Свобода человека в том, что человек принадлежит к двум планам, к плану Духа и к плану Кесаря. Коллективизм и возникающая на его почве религия хочет свести человеческую жизнь к одному плану, к плану Кесаря. Это означает монизм в условиях нашего мира, т. е. отрицание свободы и рабство. Коллективизм есть однопланность. Он идет не к преобразению этого мира в Царство Божие, а к утверждению в границах этого мира царства Божия без Бога, а значит и без человека, ибо Бог и человек неразрывно связаны. Утверждение одного человеческо-

го плана есть неизбежное отрицание человека. За этим — роковая диалектика. Все эти мысли о коллективизме и коммюнитарности могут быть конкретизированы при рассмотрении марксизма и его противоречий.

ГЛАВА VIII.

Противоречия марксизма

Можно удивляться роли, которую сейчас играет марксизм. Марксистская доктрина создана сто лет тому назад. Она не соответствует современной социальной действительности и современной философской и научной мысли, во многих частях своих она совершенно устарела. И вместе с тем доктрина эта продолжает быть динамичной и динамичность эта увеличивается. Особенно устарел марксизм в оценке роли национальности. Две мировые войны показали, что марксовского и интернационального пролетариата не существует. Рабочие всех стран убивали друг друга. Марксисты-коммунисты представляют собой необыкновенное, почти таинственное явление. Они живут в созданном ими фиктивном, фантазмагорическом, мифическом, отвлеченно-геометрическом мире. Они совершенно не видят сложности, многообразия человеческой индивидуальности в действительности. И вместе с тем они очень активны и им удалось вызвать страх у всего мира и некоторую уверенность, что они победят. Марксистская доктрина очень потеряла в своей теоретической, познавательной ценности, но приобрела большую силу,

как демагогическое орудие пропаганды и агитации. Верующие адепты этой доктрины также точно не принимают спора, как верующие представители религиозных ортодоксий. Всякую критику они принимают, как заговор и наступление злых сил капиталистической реакции. Марксисты-коммунисты по манихейски делят мир на две части: мир, который они хотят уничтожить, для них управляется злым богом и потому в отношении к нему все средства дозволены. Существует два мира, два лагеря, две веры, две партии. Это военное деление. Никакого многообразия не существует, многообразие есть выдумка и хитрость врага. Также хитрость врага, желающего ослабить борьбу, всякое обращение к общечеловеческой универсальной морали, христианской или гуманистической. Поэтому образуется магический круг, из которого не видно выхода. Необходимо освободиться от аффектов ненависти и страха и глубже вникнуть в марксистскую доктрину, которую очень плохо знают и понимают. Наибольшую трудность для общения мысли создает то, что марксизм не хочет видеть за классом человека, он хочет увидеть за каждой мыслью и оценкой человека класс с его классовыми интересами. Мысль является лишь выражением класса и она сама по себе никакой ценности не имеет. Разум буржуазно-капиталистический и разум пролетарский-коммунистический не один и тот же разум. Между этими разумами не может быть общения, может быть лишь смертельная борьба. Я думаю, что марксизм прав, утверждая изменчивость разума, его зависимость от существования человека, от целостной направленности его сознания. Но это совсем иначе должно быть понято и истолковано. Я много раз писал о

том, что структура человеческого сознания не может быть понята статически, что она меняется, суживается или расширяется, и в зависимости от этого человеку раскрываются разные миры. Но это зависит не от экономического положения классов, что имеет лишь второстепенное значение. От классового положения человека зависит не раскрытие истины, а извращение и ложь. Истина открывается, когда человек преодолевает ограниченность своим классовым положением, так как этим классовым положением определяется не весь человек, а лишь некоторые его стороны. Марксистские понятия класса, пролетариата, буржуазии и пр. суть абстрактные мысли, которым в социальной действительности соответствуют сложные явления. Марксизму свойствен схоластический реализм понятий, хотя марксисты, утверждая себя материалистами, не хотят этого признать. Марксистский пролетариат есть построение мысли и лишь в мысли существует. В действительности существуют лишь разнообразные группировки рабочих, которые совсем не имеют единого "пролетарского" сознания. Рабочий класс реально существует, он действительно эксплуатирован, и он ведет борьбу за свои насущные интересы. Но марксистский "пролетариат" есть продукт мифотворческого процесса. Но это совсем не значит, что мифотворческая "идея" пролетариата не может иметь динамического значения в борьбе. Наоборот, мифы гораздо динамичнее реальности, и так всегда было в истории. Абстрактные мысли, принимающие форму мифов, могут перевернуть историю, радикально изменить общество. Все революции были основаны на мифах. На мифах же базировался и консерватизм, напр., идея священной монархии.

Даже столь прозаический капитализм базировался на мифе о благостном и сверхразумном естественном порядке и гармонии, проистекающих из борьбы интересов. Марксизм имеет два разных элемента, и один из них является динамическим по преимуществу.

Марксистская философия есть прежде всего философия истории. Но философия истории есть самая динамическая часть философии. И причина этого понятна. Философия истории всегда заключает в себе профетический и мессианский элемент. Постижение смысла истории всегда мессианчно и профетично. Этим профетизмом и мессианством проникнута философия истории Гегеля, Маркса, О. Конта. Когда делят историю на три периода и в последнем видят наступление совершенного состояния, то это всегда означает секуляризованный мессианизм. История еще не кончилась, мы находимся в середине исторического процесса и невозможно научное познание грядущего. Но без этого познания невозможно постичь смысл истории. Только свет, исходящий из невидимого грядущего, дает постижение смысла истории, но свет этот профетический и мессианский. На почве греческой философии философия истории не была возможна, она возможна лишь на иудео-христианской почве, хотя бы это и не сознавалось. Мессианизм может быть не признанным, в нем могут не признаться. Это мы и видим в марксизме, в котором силен мессианский элемент. Не научное сознание в марксизме является источником революционного динамизма, а его мессианское ожидание. Экономический детерминизм не может вызвать революционного энтузиазма и вдохновить к борьбе. Этот энтузиазм вызывается мессианской идеей

пролетариата¹, освобождения человечества. На него переносятся все свойства избранного народа Божьего. Об этом я уже много раз писал. Идея пролетариата, которая совсем не совпадает с пролетариатом эмпирической действительности, есть идея мистико-мессианская. Именно эта идея пролетариата, а не эмпирический пролетариат, должна быть наделена полномочием диктатуры. Это диктатура мессианская. С наукой это ничего общего не имеет. Маркс был замечательным ученым экономистом. Но не этим определяются исключительная роль марксизма в мире. Она определяется религиозно-мессианской стороной марксизма. Маркса нужно понимать в том смысле, что он считал определяемость всей жизни человека экономикой скорее злом прошлого, чем истиной на веки-веков. В грядущем человек овладеет экономикой, подчинит ее себе и будет свободен. Скачек из царства необходимости в царство свободы, о котором говорили Маркс и Энгельс, есть мессианский скачек. Неверно чисто детерминистское истолкование марксизма¹, которое в конце XIX в. было распространено и среди марксистов и среди поклонников марксизма. Такое истолкование во всяком случае совершенно противоречит революционному волюнтаризму коммунистов, для которых мир пластичен, и из него как из воска можно лепить какие угодно фигуры. Не случайно Маркс говорил, что до сих пор философы хотели познавать мир, теперь же они должны изменять мир, создавать Новый мир. Но марксизм противоречив и включает в себе противоположные элементы. Прежде всего постараемся остановиться на вопросе о том, в какой мере Маркс был материалистом.

Материализм Маркса очень спорен. После

опубликования Nachlass'a Маркса, особенно статьи "Nazionalökonomie und Philosophie", более выяснились гуманистические, и в сущности идеалистические, истоки Маркса. Маркс вышел из романтической эпохи и из германского идеализма. Он даже в молодости был романтическим поэтом. В его манере писать остались романтические черты: ирония, парадоксы, противоречия. Влияние Гегеля было в нем более глубоким, чем думали марксисты, отошедшие от истоков Маркса. Но в Марксе осталась двойственность. Маркс прежде всего осудил капитализм, как отчуждение человеческой природы, Verdinglichung, превращение рабочего в вещь, он осудил бесчеловечность капиталистического режима. Моральный элемент, который марксистская доктрина совершенно отрицает, был очень силен в Марксе. Теория прибавочной стоимости, которая опиралась на ошибочную, взятую у Рикардо, трудовую теорию стоимости, носит прежде всего моральный характер, она есть осуждение эксплуатации. Эксплуатация человека человеком, класса классом, была для Маркса первородным грехом. Понятие эксплуатации моральное, а не экономическое. Сторонник капиталистического режима, в котором несомненно существует эксплуатация рабочих, мог бы спросить, почему эксплуатация плохая вещь, она может способствовать экономическому развитию, процветанию государств и цивилизации. Эти буржуазные аргументы часто приводились буржуазными идеологами. Но эксплуатация есть прежде всего моральное зло и подлежит моральному осуждению. И марксисты в противоречии со своей внеморальной теорией, полны пафоса негодования против эксплуататоров. Ужасные ругательства, которыми полна коммуни-

стическая пропаганда, носят характер моральных суждений и вне этих моральных суждений лишены всякого смысла. Но такова одна сторона марксизма, обращенная к свободе человека и моральной ответственности. Есть другая сторона, не менее важная; она связана с экономическими детерминизмом. Капитализм осужден не только потому, что в нем есть моральное зло эксплуатации, но также и потому, что капиталистическая экономика перестала быть продуктивной, мешает дальнейшему развитию производственных сил и исторической необходимостью обречена на смерть. Марксисты твердо верят, что поступательный ход истории сулит им победу. Они осуждают формы социализма, которые не хотят опереться на историческую необходимость. Они получили от Гегеля веру в то, что в историческом процессе есть смысл и что историческая необходимость ведет к мессианскому царству. Трудно сказать, какая сторона марксизма сильнее. Аргументация всегда оказывается смешанной. Следует глубже вникнуть в философию марксизма, которая противоречит во всем существенном приверженности материализму. Весь положительный пафос Маркса был связан с его верой в то, что человек, социальный человек, овладеет миром, миром необходимости, организует новое общество, прекратит образовавшуюся анархию во имя блага людей, во имя их возрастающей силы. Марксизм был пессимистичным в отношении к прошлому и оптимистичным в отношении к будущему. Маркс был верен идеалистическому тезису Фихте, что субъект создает мир. По Фихте субъект теоретически, в мысли, создает мир; у Маркса же он должен в действительности создать, переделать мир, радикально преобразить

его. Совершенно ошибочно истолковывать марксизм в духе объективизма, как это часто любят делать марксисты, желая этим сказать, что история за них. Марксистская философия должна быть определена, как философия *praxis*, акта, действия, но она дорожит реальностью того материального мира, над которым работает субъект, человек, она восстает против идеализма, где лишь в мысли происходит победа над необходимостью и властью материального мира. Материализм Маркса должен быть понят в умственной атмосфере 40-х годов прошлого века, как реакция против отвлеченного идеализма. Маркс хотел ввести конкретного человека в философское мирозерцание и думал, что он это делает, утверждая материализм, хотя материализм есть абстрактная, наименее конкретная из философий. Умственная атмосфера, в которой возник марксизм, сейчас не существует и уже потому марксизм, как мирозерцание устарел.

В своей тезе о Демокрите и Эпикуре Маркс против Демокрита, который был сторонником механического материализма и видел источник движения в толчке извне, и за Эпикура, который был индетерминистом. В первых тезисах о Фейербахе он решительно критикует материалистов прошлого за то, что они стоят на точке зрения объекта и вещи, а не субъекта и человеческой активности. Это тезис совсем не материалистический, и скорее напоминает экзистенциальную философию. Маркс постоянно подчеркивает активность человека, т. е., субъекта, его способность изменять так называемый объектный мир, подчинят его себе. Он обличает ошибочность сознания, которое считает человека совершенно зависимым от объ-

ектного мира. В этом отношении очень показательно его замечательное учение о фетишизме товаров. Это иллюзорное сознание видит вещную, предметную реальность там, где действует реальный труд человека и отношения людей. Капитал есть не вещь вне человека находящаяся, а отношение людей в производстве. В нем действует не только объективный процесс, но и активный субъект. Ничто не происходит само собой, само-тёком. Нет фатальной необходимости, нет непреложных экономических законов, эти законы имеют лишь преходящее историческое значение. Марксизм имеет тенденцию к созданию экзистенциальной политической экономии, но он не последователен и смешивает два разных начала. Может быть, самое большое противоречие марксизма заключается в том, что он признает телеологию, разумный характер исторического процесса, смысл истории, который должен реализоваться в грядущем обществе. Это совершенно явно взято от Гегеля и было оправдано тем, что в основе истории лежит мировой дух, разум. Но это никак не может быть оправдано материалистическим пониманием истории. Почему материя в порождаемых ею процессах должна привести к торжеству смысла, а не бессмыслицы? На чем основан такого рода оптимизм? Это возможно для марксизма только потому, что в материю вносится разум, смысл, свобода, творческая активность. Но и значит, что марксистская философия не есть материализм, и наименование ее таковой есть явное насилие над терминологией. Уже во всяком случае это скорее гиллозоизм, чем материализм, и даже особого рода идеализм. Само слово диалектический материализм, которое есть противоречие в терминах,

употребляется для целей пропаганды, а не для философского применения. Диалектики материи не может быть, может быть лишь диалектика разума, духа, сознания. Материя сама по себе не знает смысла, диалектика раскрывает его, она получает его от духа. Советская философия даже придумала слово "самодвижение" для оправдания того, что источником движения является не толчок извне, а внутренне присущая материи свобода. Смешно называть это материализмом. Апофеоз борьбы, экзальтация революционной воли только и возможны при такой не материалистической философии. Но при этом остается и материалистический элемент, который играет главным образом отрицательную роль в борьбе против самостоятельности духовных начал и ценностей. Это во всяком случае монизм, для которого существует лишь один порядок бытия, царство Кесаря, в котором происходит диалектическое движение. При этом легко может происходить абсолютизация социальных форм. Марксистская классификация философских доктрин, особенно развитая Энгельсом, на идеализм, признающий примат сознания над бытием, и материализм, признающий примат бытия над сознанием, совершенно несостоятельна и связана с философской атмосферой 40-х годов прошлого века. Непонятно, почему бытие есть непременно материальное бытие. При такой классификации Св. Фома Аквинат должен быть признан материалистом. Да и я сам должен быть причислен к материалистам. Марксистская философия не только противоречива, но и совершенно устарела, в ней есть сектантская затхлость. И это несмотря на то, что у самого Маркса есть положительный и жизненный элемент, особенно в области экономики.

Причина исключительного динамизма и ответственности марксизма-коммунизма та, что он носит на себе все черты религии. Научная теория и политическая практика никогда не могли бы играть такой роли. Можно установить следующие религиозные черты марксизма: строгая догматическая система, несмотря на практическую гибкость, разделение на ортодоксию и ересь, неизменяемость философии науки, священное писание Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, которое может быть лишь истолковываемо, но не подвергнуто сомнению; разделение мира на две части — верующих-верных и неверующих-неверных; иерархически организованная коммунистическая церковь с директивами сверху; перенесение совести на высший орган коммунистической партии, на собор; тоталитаризм, свойственный лишь религиям; фанатизм верующих; отлучение и расстрел еретиков; недопущение секуляризации внутри коллектива верующих; признание первородного греха (эксплуатации). Религиозным является и учение о скачке из царства необходимости в царство свободы. Это есть ожидание преобразования мира и наступление Царства Божьего. Устарелая марксистская *Zusammenbruchtheorie*, которая утверждает, что положение рабочих становится все хуже и хуже, и вся экономика идет к неотвратимым катастрофам, напоминает апокалиптический взрыв этого мира. Эта теория определилась не только наблюдением над реальным экономическим процессом и его анализом, но и эсхатологической настроенностью, ожиданием катаклизма этого мира. Противоречие марксизма в том, что царство свободы, на которое направлены все упования, будет неотвратимым результатом необходимости. Тут очень чув-

ствуется влияние тегелианства. Марксизм понимает свободу, как сознannую необходимость. Это в сущности есть отрицание свободы, которая всегда связана с существованием духовного начала, не детерминированного ни природой, ни обществом. Марксизм, как религия, есть секуляризованная форма идеи предопределения. Псевдо-религиозный характер носит также разделение истории на две части. До социалистической или коммунистической революции, есть лишь введение в историю, после нее только — начало настоящей истории. В основании марксистской религии лежит секуляризованный, не осознанный хилиазм. Вне этого весь пафос марксизма лишен всякого смысла. Марксисты очень сердятся, когда марксистскую доктрину рассматривают, как теологию, но им никогда не удалось опровергнуть это определение. Марксисты очень дорожат наукой и поклоняются науке. Они верят, что настоящая наука, не буржуазная наука, разрешит все вопросы. В этом поклонении науке они принадлежат XIX, а не XX веку. Марксистское мышление очень не критическое, даже враждебное критике. Они также отворачиваются от критики, как отворачиваются ортодоксальные теологии. Противоречивость марксизма отчасти связана с тем, что он есть не только борьба против капиталистической индустрии, но и жертва его, жертва той власти экономики над человеческой жизнью, которую мы видим в обществах XIX и XX века. В этом марксизм пассивен в отношении той социальной среды, в которой он возник, он не сопротивлялся ей духовно. Поэтому для марксизма новый человек, человек грядущего социального общества, создается фабричным производством. Он дитя жестокой не-

обходимости, а не свободы. Диалектика капиталистического зла должна породить добро, тьма, в которой отчужден и превращен в вещь человек, должна породить свет. Это есть отрицание внутреннего, духовного человека. Это есть крайний антиперсонализм, от которого не спасает коммунистический гуманизм. Все оценки меняются в зависимости от того, все ли определяется экономикой и классом или действуют и духовные, моральные и интеллектуальные силы.

Марксизм в значительной степени хочет быть разоблачением иллюзий сознания, отражающих экономическое рабство человека и классовую структуру общества. Он обличает иллюзии религиозные, метафизические, моральные, эстетические и пр. С этой точки зрения в сущности вся духовная культура прошлого оказывается иллюзией сознания, отражающей экономическую структуру общества. Тут есть формальное сходство с Фрейдом и психоанализом, объяснение человека исключительно снизу, из его низших состояний. Низшее создает высшее и высшее оказывается иллюзией. Марксизм повсюду склонен видеть не только иллюзии, но и ложь. Подлинной реальностью, подлинной жизнью является борьба человека, социального человека, со стихийными силами природы и общества, т. е., экономика. Все остальное должно носить лишь служебный характер для экономики, в которой видят цели жизни; наука и искусство обслуживают социальное строительство. Маркс был человек высокой культуры, культуры еще иллюзий сознания. Но в последних поклонниках Маркса уровень культуры понижается. Этот уровень остановится очень низким в Советской России, где собственно культуры нет, а

есть лишь элементарное просвещение масс и техническая цивилизация. Совершенное упразднение "иллюзий" сознания, отрицающих первореальность экономики, должно привести к полному крушению духовной культуры. Дух оказывается лишь иллюзией плохо организованной материи. Самое неясное понятие в марксистской доктрине есть понятие "надстройки". Никто не мог с достаточной отчетливостью объяснить, что хотят сказать, когда говорят, что идеология и духовная культура есть "надстройка" над экономикой и классовым строем общества. Это так же неясно и неотчетливо, как и вообще материалистический тезис, что дух эпифеномен материи. Материализм никогда не мог совершенно ясно это выразить и формулировал разными способами, одинаково несостоятельными. Энгельс даже признался в конце-концов, что и он и Маркс преувеличили значение экономики. Если хотят сказать, что экономика и классовое положение людей влияют на идеологию, на умственную и моральную и духовную жизнь, то это можно вполне признать, не будучи ни марксистом, ни материалистом. Все находится во взаимодействии. Я не вижу никаких трудностей в том, чтобы признать существование буржуазного католицизма, протестанства и православия, буржуазной философии и морали, но отсюда не следует делать вывода, что истина духовного творчества лежит в экономике, и что не существует духовных ценностей, независимых от экономики. Было уже выяснено, что экономика относится к средствам, а не целям жизни, и что экономический материализм основан на смешении условий с порождающей причиной и целью. Да и сама экономика не есть материя. По-

нятие "надстройка", которым так злоупотребляют, не выдерживает никакой критики. Остается необъясненным, каким образом материальная реальность переходит в реальность интеллектуального и духовного порядка, каким образом экономика может перейти в познание или нравственную оценку. Можно сказать, что марксизм, как явление интеллектуального порядка, связан с капиталистической экономикой XIX века и без нее не мог бы существовать. Он был реакцией против капиталистической экономики. Но между процессом капиталистического производства и эксплуатацией в нем пролетариата и мышлением Маркса существует бездна, скачек через пропасть. Марксисты с настойчивостью любят повторять, что бытие определяет сознание. Они думают, что это есть материализм, в то время, как это еще с большей последовательностью могут утверждать и крайние спиритуалисты. Они придерживаются совершенно устарелой точки зрения, отождествляя душевную и духовную жизнь с сознанием. Но главное в том, что они никогда не пробовали объяснить, каким образом материальное бытие может переходить в сознание, в мысль. Над этим билась философская мысль тысячелетия, и ее величайшие представители подавали свой голос не за материализм, который защищался лишь очень второстепенными, посредственными философами. Догмат же материального бытия, совершенно мертвящий сознание, может быть только верой, но не знанием. Субъекту принадлежит примат над обществом, но сознание субъекта предполагает первоидеи, первосотворенные Богом, которые не перед субъектом, а за ним, в глубине. Марксистам можно сделать одну тут уступку. Если

допущение существования классовой истины и добра есть бессмыслица, то вполне можно допустить существование классовой лжи и неправды. Марксистам можно сделать одну тут уступку. Если допущение существования классовой истины и добра есть бессмыслица, то вполне можно допустить существование классовой лжи и неправды. Марксизм прав в своей критике капитализма и классовой экономики, в обличении лжи классового сознания. Но Маркс придавал универсальное значение фактам, которые он наблюдал в капиталистических, классовых обществах XIX в., главным образом в Англии. И в этом большое заблуждение. Это привело марксизм к непреодолимым противоречиям.

Прежде всего в марксизме есть одна коренная неясность, связанная с логическим противоречием. Что такое самая марксистская теория? Есть ли она, как и все теории и идеологии, отражение экономической действительности своего времени и происходящей в ней борьбы классов, т. е., “надстройка”, подпадающая под власть обычного марксистского объяснения? Или она есть наконец открывшаяся сущая истина? Во втором случае случилось настоящее чудо; в середине XIX в. впервые открылась настоящая истина об историческом процессе, которая не есть только “надстройка” и отражение экономики. Оба ответа для марксизма трудны. Первый ответ делает марксизм преходящей и относительной теорией, полезной в борьбе классов, но не могущей претендовать на истинность, он уравнивает марксизм со всеми остальными теориями и идеологиями. Второй ответ, признающий марксизм откровением сущей истины, противоречит самой марксистской теории, кото-

рая не допускает возможности открытия такого рода истины. Ответ марксистов будет вероятно диалектическим оправданием релятивизма. Они скажут, что марксистская теория есть относительная истина, как и все истины, и вместе с тем истина очень полезная в социальной борьбе. Но помимо логической слабости такого ответа, он несколько не оправдывает и не объясняет исключительного значения марксизма, выделяемого из всех других относительных истин. Совершенно ясно, что эта исключительная роль марксизма объясняется верой и совсем не может претендовать на научное значение. Марксизм-коммунизм религиозная секта, для которой главное совсем не благосостояние рабочих, а исповедание истинной веры. Существует разительное противоречие между материализмом и логическим реализмом понятий, признающим подлинность реальности общего, напр., класс реальнее конкретного человека, идея пролетариата важнее самого пролетариата. Марксисты наивно, не критически принимают объективации первичных реальностей за первичные реальности. Особенной наивностью отличается единственная философская книга Ленина, имевшая полемическую цель. Для него в познании отражаются объективные реальности. Он принимает наивно реалистическое предположение, которое могло бы быть сделано до возникновения философской критики. Точка зрения Ленина, который даже утверждает абсолютную истину, очень невыгодно отличается от точки зрения Энгельса, который считает, что критерий истины практический, т. е., исповедует философию действия. У Ленина нет даже той идеи, что истина по преимуществу раскрыта пролетариату. Она была скорее у А. Богданова,

который хотел построить чисто социальную философию. Ленин наивный реалист, именно так он понимает материализм. Это находится в полном противоречии с другими сторонами марксизма. Марксизм не знает настоящей гносеологии. В нем вера преобладает над знанием.

Но в марксизме есть моральное противоречие, которое не менее велико, чем противоречие логическое. Марксизм очень дорожит аморальным или внеморальным характером своего учения. Маркс очень не любил этического социализма, он считал реакционным моральное обоснование социализма. И вместе с тем марксисты постоянно производят моральные суждения и особенно осуждения. Все осуждения буржуазии и капиталистов и всех тех, кого называют социал-предателями — а такова очень значительная часть человечества — носят моралистический характер. Осуждение эксплуататоров носит моральный характер и вне моральных оценок лишено всякого смысла. Самое различие буржуазии и пролетариата носит аксиологический характер, есть различие зла и добра, тьмы и света, почти манихейское деление мира на две части, на царство тьмы и царство света. Революционный марксизм воистину заключает в себе сильный элемент моральной оценки и морального осуждения. Под это моральное осуждение подходит в сущности весь мир, за исключением верных марксистско-коммунистическим верованиям. Совершенно неверно распространенное обвинение марксистов-коммунистов в отрицании морали. Более верно сказать, что у них другая мораль. И с точки зрения этой другой морали они должны быть признаны даже очень моралистами. Марксистская мораль двойственна и в это нужно

вникнуть. Марксизм действительно склонен отрицать то, что называют обще-человеческой, универсальной моралью, он отрицает моральное единство человечества. Это вытекает из классовой точки зрения. Марксистская мораль не есть ни христианская мораль, ни мораль гуманистическая в старом смысле. Эту общечеловеческую мораль он считает хитростью господствующих классов, которые хотят ослабить революционную классовую борьбу, ссылаясь на абсолютные моральные нормы. Марксист-революционер (я не говорю о социал-демократе эволюционном и реформаторском) убежден, что он живет в непереносимом мире зла и в отношении к этому миру зла и тьмы он считает дозволенными все способы борьбы. С дьяволом и его царством нечего церемониться, дьявола нужно истребить. Неверно было бы сказать, что марксисты-революционеры считают все дозволенным, но они считают все дозволенным относительно врага, представляющего царство дьявола, эксплуатации, несправедливости, тьмы и реакции. Относительно же своего царства света, справедливости, прогресса они наоборот утверждают старую мораль долга и жертвы. В Советской России наряду с допущением средств, противоречащих христианской и гуманистической морали, утверждается морализм, желание принудительно насадить добродетель. Марксистское моральное сознание раздирается противоречием между отношением к прошлому и настоящему с одной стороны, и будущему. Единого человечества еще нет, создались классы с правами и интересами, эксплуататоров и эксплуатируемых, и потому не может быть единой морали. Но в будущем, после социальной революции, когда исчезнут

классы, будет единое человечество и единая общечеловеческая мораль. Марксисты не столько отрицают общечеловеческую мораль, сколько относят ее к будущему. И с точки зрения этой грядущей единой общечеловеческой морали они судят прошлое и настоящее, морально судят. Моральное противоречие заключалось в том, что Маркс осудил капиталистический строй с точки зрения общечеловеческой, универсальной морали, осудил его за бесчеловечность, за превращение человека в вещь. Тут Маркс пользуется той самой общечеловеческой моралью, которую склонен отрицать. Свет грядущей общечеловеческой морали падает на оценку настоящего. Марксизм также не может стать по ту сторону морального универсума, как не может стать и по ту сторону логического универсума. Двойственность марксистской морали более всего сказывается в двойственности марксистского гуманизма. Истоки марксизма гуманнее, и гуманизма ищет Советская Россия в процессе реализации марксизма. Но во имя человека человек подавляется, его жизненные возможности суживаются. Процесс гуманизации жизни, особенно в организации социальной, сопровождается процессами дегуманизации. Это связано с тем, что настоящее рассматривается исключительно как средство для будущего. Самоценность человеческой жизни в настоящем отрицается. Сужение марксистского сознания связано было с тем, что произошла исключительная концентрация на борьбу с социальным злом. Человек с трудом вмещает полноту и многообразие жизни, он всегда склонен многое вытеснять. Атеизм Маркса, который как будто бы более несомненен чем его материализм, был вытеснением очень важных сторон че-

ловека, как духовного существа. Маркс шел за Фейербахом, но прибавил новый аргумент против религиозных верований. Он признал их порождением социальной неорганизованности, зависимости человека от стихийных сил природы и общества. Он признал религию опиумом для народа, потому что видел в ней одно из главных препятствий для борьбы за лучший социальный строй. Вина в этом лежала на ложных идеях о Боге, унижавших человека.

Уничтожение иллюзий сознания, к которому стремится марксизм, должно привести не только к понижению уровня духовной культуры, но в пределе и к полному ее исчезновению за ненужностью. Великая духовная культура прошлого, великие творческие подъемы, великие творческие гении — все это будет признано продуктом эксплуатации в пользу привилегированного культурного слоя, основанного на несправедливости. Вслед за героем Достоевского скажут, и это говорят: “мы всякого гения задавим в младенчестве”. Величайшие подъемы духовного творчества связаны были с признанием существования иного мира, независимо от того, в какой форме это признавалось. Исключительная посюсторонность делает жизнь плоской. Замкнутость в имманентном круге этого мира есть закрепление конечности, закрытие бесконечности. Но творческий акт человеческого духа есть устремление к бесконечности, к трансцендентному, которое парадоксально должно быть признано имманентным. Мне имманентно трансцендентное или трансцендирование. В моем конечном и ограниченном сознании дана устремленность к бесконечному и безграничному. Исключительное признание царства Кесаря есть

замыкание в конечном. В пределе это ведет к отрицанию творчества человека. В марксизме есть опасность признания лишь творчества экономического и технического, все должно лишь обслуживать социальное строительство. Марксизм прав, когда он утверждает, что человек может изменить мир и подчинить его себе. Но с другой стороны марксизм предлагает подчиниться исторической необходимости, даже обоготворить ее. Наиболее непонятен в марксизме этот его безграничный оптимизм в отношении к исторической необходимости, безграничная вера в благостность и осмысленность исторического процесса. Это понятно у Гегеля, у которого действовал мировой разум или дух и определял смысл происходящего. Но почему такое чудо может совершить материя и материальный процесс? И гегелианский исторический оптимизм неприемлем и не оправдан, как крайняя форма универсального детерминизма, отрицающего действие человеческой свободы в истории. Еще менее это оправдано в марксизме и противоречит марксистской вере в возможность для человека изменить мир. Марксистский исторический оптимизм есть секуляризованная форма мессианской веры. Такова всегда вера в необходимый прогресс. Истина находится по ту сторону оптимизма и пессимизма. Исторический процесс трагичнее, в нем действуют несколько начал. Марксистская оптимистическая вера в благостность исторического процесса есть секуляризованное переживание веры в Промысл. Но и старая вера в Промысл требует переоценок, она связывалась с оптимизмом и бестрагичным взглядом на этот феноменальный мир, подчиненный необходимым каузальным связям. В марксизме есть частичная

правда, особенно правда критики, и ее нужно признать. Нужно признать необходимость социальной революции в мире. Можно желать лишь того, чтобы эта революция была менее насильственной и жестокой. Но марксизм в своей исторической форме подвергает опасности царство Духа, которое впрочем подвергалось опасности в разных формах в истории. Интеллектуально марксизм совсем не имеет творческого характера. Марксистская мысль очень убогая. Марксизм-коммунизм отрицает разнообразие и создает серую скуку. Марксистская мысль стоит совсем не на уровне самого Маркса. Но это не мешает ей играть очень активную роль, даже скорее помогает. Эта сила марксизма отчасти зависит от слабости христиан, от невыраженности царства Духа, во всем уступающего царству Кесаря.

ГЛАВА IX.

Единство человечества и национализм

В какой мере существует единство человечества? Единство национальное в гораздо большей степени заставляет себя признать, чем единство человечества. Это единство национальное особенно обнаруживается во время войн. Философски это сложный вопрос о реальностях, которые не могут быть признаны личностями. Единое человечество не есть существо, не есть личность высокой иерархической ступени; она не имеет экзистенциального центра, не способна в своей сверхличной реальности к страданию и радости. Но единое человечество не есть только абстракция мысли, оно есть известная ступень реальности в человеческой жизни, высокое качество человека, его всеобъемлющая человечность. Качество национальности зависит от раскрывающейся в ней человечности. В истории человеческой жизни существуют две тенденции: к универсализму и к индивидуализации. Национальность есть ступень индивидуализации в отношении к человечеству и объединения в отношении к человеку. Национальность, как ступень индивидуализации в жизни общества, есть сложное историческое образование; она определима не только кровью, — раса есть

зоология, преисторическая материя — но также языком, не только землей, но прежде всего общей исторической судьбой. Национальность есть индивидуальное качество человека, индивидуальное в отношении человечества и индивидуальное в отношении человека. Самоутверждение национальности может принимать формы национализма, т. е., замкнутости, исключительности, вражды к другим национальностям. Это есть болезнь национальности, она раскрывается особенно в наше время.. Национализму хотели противопоставить интернационализм, который есть другая болезнь. Интернационализм есть отвлеченная бедность, есть не конкретное единство человечества, заключающее в себе все ступени национальных индивидуальностей, а абстрактное единство, отрицающее национальные индивидуальности.

Интернационализм был явной ошибкой марксизма, отвергнутой самой жизнью, обращением в абстракциях. Национализму нужно противопоставить универсализм, который совсем не отрицает национальных индивидуализаций, а объемлет их в конкретном единстве. Универсализм есть утверждение богатства в жизни национальной. Все великие народы, имевшие свою идею и свое призвание в мире, в высоких достижениях своей культуры приобретали универсальное значение. Данте, Л. Толстой, Шекспир или Гете, одинаково национальны и универсальны. Соблазны, срывы, и искажения в высшей степени свойственны жизни национальной, как свойственны и индивидуальной жизни людей. Таким соблазном и срывом является империализм. Большие национальности, объединенные в большие государства, заболевают волей к могуществу. Империалистическая воля за-

ложена в образовании больших национальных государств. Эта воля к могуществу, империалистическая воля, имеет своим предельным устремлением образование мировых империй. Такими были империи Древнего Востока, Римская империя, империя Карла Великого, империя византийская, по своей претензии и империя российская; таков был и замысел Наполеона. Император в отличие от царей и королей, есть император вселенский, и империя по замыслу есть вселенская империя. Такова ложная и бессмысленная претензия пангерманизма. В империализме находит себе извращенное выражение стремление к мировому объединению, к выражению единства человечества. Достоевский остро чувствовал жажду ко всеобщему соединению и видел вытекающие отсюда соблазны. Национализм малых народов есть проявление изоляции и самодовольства. Национализм больших народов есть империалистическая экспансия. Есть роковая диалектика в национализме больших народов. Индивидуальная ценность национальности выражается прежде всего в ее культуре, а не в государстве. Государство, с которым связывает себя национализм, менее всего оригинально и индивидуально. Все государства очень походят друг на друга в организации войск, полиции, финансов, международной политики. Государственный национализм сплошь и рядом оказывается не национальным. Это видно было по фашизму. Национализм неразрывно связан с государством и гораздо более дорожит государством, часто лишенным всех индивидуальных национальных свойств, чем культурой действительно национальной. Литература и музыка какого-либо народа гораздо более индивидуальна и своеобразна, чем

войска и полиция, связанные с интернациональной техникой. Вывод тот, что национальность есть положительная ценность, обогащающая жизнь человечества, без этого представляющего собой абстракцию, национализм же есть злое, эгоистическое самоутверждение и презрение и даже ненависть к другим народам. Национализм порождает шовинизм и ксенофобию и его нужно решительно отличать от патриотизма. Самое ужасное, что национализм есть один из источников войн.

Эмоциональная жизнь, связанная с национальностью очень запутана и сложна. Происходит объективация человеческих эмоций и страстей. Возникновение так называемых коллективных, сверхличных реальностей в значительной степени объясняется этой объективацией, выбрасыванием во вне сильных эмоций, их экстерииоризацией. Так создается и национализм, и патриотизм, которые вопреки Марксу играют огромную роль в истории. В патриотизме эмоциональная жизнь более непосредственна и природна, и он есть прежде всего обнаружение любви к своей родине, своей земле, своему народу. Патриотизм есть бесспорно эмоциональная ценность и он не требует рационализации. Полное отсутствие патриотизма ненормальное, дефектное состояние. Национализм менее природен и есть уже некоторая рационализация эмоциональной жизни. Национализм неразрывно связывает себя с государством и потому уже он является источником войн. Национализм гораздо более связан с ненавистью к чужому, чем с любовью к своему. Националистические страсти, терзающие мир, не являются непосредственными, первичными страстями, они срастаются с государственными интересами, очень многое вызывается пропаган-

дой. Так называемые корыстные национальные интересы не являются непосредственными эгоистическими интересами, в них происходит уже экстериоризация и объективация эгоистических интересов и страстей, перенесение их на коллективные реальности. Тоже самое происходит и с интересами классовыми, которые могут быть даже в противоречии с личными, эгоистическими интересами. Человек очень легко делается рабом и жертвой таких коллективных реальностей, которые созданы экстериоризацией его эмоциональных, часто очень эгоистических состояний. Человек часто не только эгоистически защищает интересы, но бескорыстно их защищает. И в бескорыстном он может быть даже хуже, чем в корыстном. Это особенно видно на примере возникновения войн. Национализм играет огромную роль в возникновении войн, он создает атмосферу войны. Но национальность может быть унижена и истреблена в войнах, возникших на почве национальных страстей и интересов, иногда корыстных, иногда бескорыстных. Наиболее интересно возникновение войн, которое всегда предполагает атмосферу безумия. Капиталистический режим обладает способностью порождать войны. Кучка капиталистов может желать возникновения войны для рынков, для нефти и т. д. Эта кучка капиталистов может не только экономически быть раздавлена, но и физически убита не только войной, но и революцией, которую легко вызвать после войны. Личное мужество совсем не вдохновляет войн, затеянных из корыстных интересов. И тем не менее безумие страстей, безумие самих интересов, может толкать к войне. Война всегда есть порождение фатума, а не свободы. Если в прошлом война могла быть относи-

тельным злом, и если война наступительная никогда не может быть оправдана, то война защитительная и освободительная оправдана. Но может наступить эпоха, когда война делается абсолютным злом, злым безумием. Такова наша эпоха, которая во всем определяется двумя мировыми войнами и страхом третьей войны. Поэтому необходимо бороться против национализма и против вырождающегося капитализма. Нужно всячески утверждать федерализм, объединять человечество по ту сторону государств, которые стали самодавляющей силой, высасывающей кровь народов. Войны привели к невероятному возростанию силы и роли государства. Социализм стал чудовищно этатическим. Это болезнь эпохи. Сфера государства, сфера войны, делаются совершенно автономными и не хотят подчиняться никаким моральным и духовным началам. Действуют автоматически национальное государство и война. Война объявляется не людьми, не народами, а автономно действующей силой войны. И можно удивляться, что безмерные страдания истерзанных народов не вызывают всеобщей забастовки против войны. Это только доказывает, насколько в известные моменты судьба народов определяется безумием и фанатизмом. Государство из средства и функции делается самоцелью и воображаемою реальностью. Нет ничего зловреднее идеи суверенности национальных государств, которой дорожат народы на собственную гибель. Федерация народов предполагает отрицание идеи суверенности национальных государств. Можно предложить замену слова нация словом народ. Необходимо еще прибавить, что если национализм есть отрицательное явление, то расизм есть абсолютная ложь. Только

древне-еврейский расизм имел смысл, имел религиозную основу, но он может принимать отрицательные формы. Расистский же миф, как его утверждает германская идеология, есть злое порождение воли к могуществу и преобладанию. Он еще во много раз хуже национализма. Можно поражаться, как великие несчастья людей и народов создаются ложной объективацией, отчуждением человеческой природы во внеположенные коллективные лже-реальности. Человек живет коллективным сознанием, создаваемыми им мифами, ставшими очень сильными реальностями, управляющими его жизнью. Социальная психопатия гораздо сильнее социальной психологии. Образование фиктивных лже-реальностей играет огромную роль в исторической жизни. Абстракция большой мысли порождает миф, миф делается реальностью, переворачивающей историю. Поэтому так сложен вопрос о реальных силах истории. Марксистский реализм тоже имеет дело с абстрактными мыслями, превратившимися в мифы.

Мир разделяется не только на национальности, но и на более широкие образования — мир латинский, англо-саксонский, германский, славянский. Эти выражения постоянно употребляются, хотя смысл их не очень ясен. Во всяком случае о расах в научном смысле слова говорить нельзя. Это история мира. Научно самое важное деление — деление на Восток и Запад. Говорят даже о восточном и западном фронте. Самодовольная, западная гуманистическая культура склонна признавать свой тип культуры универсальным и единственным, не признает существования разных типов культур, не ищет восполнения другими мирами. Может быть такое же самодовольство и зам-

кнутость западной Европы, как и самых малых национальностей. Деление мира на Восток и Запад имеет всемирно-историческое значение и с ним более всего связан вопрос достижения всемирного единства человечества. В христианском средневековом сознании была идея универсального единства, но единство Востока и Запада в этом замысле не достигалось. Восток (говоря сейчас не о русском Востоке) на долгое время выпал из динамики истории. Динамична была только история народов, захваченных христианством. Но две мировые войны меняют течение истории. Происходит активное вхождение Востока во всемирную историю. Европейский Запад перестает быть монополистом культуры. Человеческий мир распадается на части и вместе с тем мы вступаем в универсальную эпоху. Восток и Запад раньше или позже должны прийти к единству, но это происходит через раздоры, через разделения, которые кажутся большими, чем раньше. Национализм не включает в себе универсальной идеи. Но универсализм всегда включает в себе мессианизм. Прототипом универсального по своему значению мессианизма является мессианизм древне-еврейский. Универсализм присущ и мессианизму русскому, который глубоко отличается от национализма. Но все высшие начала претерпевают в истории искажение и деформацию. Это происходит и с русским мессианизмом, который вырождается в империализм и даже в национализм. Мессианская идея Москвы, как третьего Рима, послужила идейным обоснованием огромного и могущественного государства. Воля к могуществу исказила мессианскую идею. Ни московская Русь, ни императорская Россия, не осуществили Третьего Рима. В ос-

новании Советской России тоже лежала мессианская идея, но она также искажена волей к могуществу. Царство Духа всегда принимало форму царства Кесаря. Мессианизм, переносился на царство Кесаря, в то время как он должен быть обращен к царству Духа, к царству Божьему. Ставится вопрос, в каком смысле и в какой степени возможен мессианизм христианский, мессианизм, после явления Христа — Мессии? Консервативные христиане, обращенные исключительно к прошлому, отрицают возможность христианского мессианизма, как и вообще пророческую сторону христианства. Между тем в христианстве есть мессианское ожидание второго явления Христа в силе и славе, есть мессианское искание царства Божьего, как на небе, так и на земле, возможное ожидание новой эпохи Духа Святого. Самое выявление и воплощение всемирной церкви есть ожидание мессианское. В этом смысле экуменического движения по сближению церквей и конфессий. Вселенская церковь, не знающая деления на Восток и Запад, есть духовная основа единства человечества. И вместе с тем человечество все более и более распадается, на свободу выпущены бесы и демоны, раскрывается хаос. И этот раскрывшийся хаос ведет не к свободе, а к тирании. Победа над национальными стремлениями есть одна из великих задач. Федерация народов, отрицание суверенитета национальных государств — путь к этому. Но это предполагает духовное и социальное изменение человеческих обществ. Но сами по себе политические и социальные выходы бессильны. Духовная революция, которая должна происходить и происходит в мире, глубже и идет дальше, чем революции социальные.

ГЛАВА X.

О вечном и новом человеке

Самый важный для нас вопрос есть вопрос о человеке. Все от него исходит и к нему возвращается. Говорят о появлении нового человека. Ищут нового человека. Это не ново, это часто уже бывало. Бесспорно человек находится в процесса развития или регрессирования, он не неподвижен. Можно говорить о новом техническом человеке, о фашистском человеке, о советском или коммунистическом человеке. Также говорили о католическом человеке, или человеке протестантском, о ренессансном человеке или человеке романтическом. Много наименований можно давать человеческому типу, но человек менее меняется, чем это кажется по его внешности и его жестам, он часто менял лишь свою одежду, надевал в один период жизни одежду революционера, в другой период одежду реакционера; он может быть классиком и может быть романтиком, не будучи ни тем ни другим в глубине. Идея нового человека, нового Адама, нового рождения есть христианская идея, ее не знал античный мир. Эту идею мир дохристианский знает в форме выбрасывания во вне, на поверхность. Некогда возникновение воз-

возможности сознания греха, покаяния было возникновением действительно нового человека. Сейчас снова потеряна способность к покаянию. Изменение социального положения, когда богатый делается бедным или бедный делается богатым, само по себе не делает человека внутренне иным. Человек может улучшаться или ухудшаться в пределах своего типа, но это не образует нового человека. Нужно сказать, что политические революции, даже самые радикальные, сравнительно мало меняют человека. Делают большое различие между буржуазным человеком и коммунистическим человеком. Но коммунист победивший и захвативший власть, может быть внутренне, духовно, до мозга костей буржуа. Духовная буржуазность очень свойственна и социалистам и коммунистам. Она свойственна всем, кто слишком хочет благополучно устроиться на земле, для кого закрыта бесконечность и кто крепко утверждает в конечном. Только новое рождение, рождение духовного человека, который раньше дремал и был подавлен, есть действительно явление нового человека. Изменение, развитие, появление нового человека возможно, как победа над ветхим человеком. Но тайна человеческого существования заключается в том, что развитие предполагает субъекта развития. Нет развития без того, кто и что развивается. Ошибка эволюционной теории XIX в. заключалась в том, что она выводила субъект развития из самого развития. Этим она оставалась на поверхности; говорилось о том, как развитие происходит. Существует связь фазисов развития. Человек может очень развиться, но это он, все тот же он развился. Если бы вследствие развития появился совершенно новый субъект, новая

личность, то развития не было бы. Личность предполагает соединение изменения и неизменности. Когда в личности происходит не изменение только, но измена себе, то личность разлагается и в конце-концов нет изменения. Новый человек, новое в человеке, предполагает, что продолжает существовать человек в своем качестве человечности. Никакое изменение и усовершенствование обезьяны не может привести к человеку. Ницше-анская идея сверхчеловека есть стремление к высоте, измена человеку и человечности. Тогда речь идет о появлении новой породы, новой расы, божественной, демонической или звериной, но не о новом человеке. Новый человек связан с вечным человеком, с вечным в человеке.

За новым человеком скрыт не только вечный человек, Адам Кадмен, но и ветхий человек, ветхий Адам. В глубинном подсознательном слое человека есть все, есть и первобытный человек, он не окончательно преодолен, в нем есть и мир звериный, как есть и вся история. Сознание играет двойную роль, оно и расширяет и суживает, ограничивает. Власть прошлого над человеком остается и в самых радикальных революциях. В революциях действуют старые инстинкты насилия, жестокости и властолюбия. Они обнаруживаются и в бурных реакциях против прошлого. Люди французской революции были людьми старого режима. То же надо сказать и о русской революции. В ней действовали люди, в крови которых было рабство. Террор революции есть старое, а не новое в них. Никакая революция на коротком промежутке времени не может формировать совершенно нового человека, хотя что-то новое с собой несет. Революция есть явление старого ре-

жима, она сама по себе не есть новый мир. Самое сильное в революциях есть отрицательная реакция на предшествующий ей режим, ненависть всегда в ней сильнее любви. Менее всего экономика может создать нового человека. Экономика относится к средствам, а не целям жизни. И когда ее делают целью жизни, то происходит деградация человека. Совершенно неверно, когда говорят, что новый, советский человек есть человек коллективный и живет в коллективе, а старый интеллигент был индивидуалистом. Борьба коллективизма против индивидуализма представляет собой настоящую мистификацию. Старый интеллигент в преобладающей своей массе тоже жил в коллективе и суждения его были коллективными. Прошлый человек гораздо более коллективистичен, чем индивидуалистичен. Всегда редки были люди индивидуальной мысли и индивидуальных суждений. Всегда торжествовало то, что Гейдегер называет "das Man", что и есть коллективизм, который есть не первореальность, а фиктивное, иллюзорное порождение сознания. Советский человек в период так называемого строительства действительно несет с собой новые черты, очень его отличающие от старой интеллигенции. Старая интеллигенция была революционна по своему типу, она жила в расколе с окружающим миром. Новая советская интеллигенция совсем не революционна, она покорна и послушна. От нее требуют добродетель строительства, прежде всего экономического строительства. Старая интеллигенция жила исключительно грядущим, к которому часто бывало мечтательное отношение. Новая советская интеллигенция живет настоящим. В новом советском человеке происходит не толь-

ко страшное умаление свободы, но исчезает самый вкус свободы, самое понимание того, что такое свобода. Старые же революционеры до неузнаваемости изменились после того, как они стали победителями и господами. Но это меньше всего означает появление нового человека; это есть возвращение к старому человеку. Совершенно неверно, что старая, левая интеллигенция была не активна, мягка, раздвоена. Вся история революционного движения доказывает обратное. Героизм старой революционной интеллигенции, жертвы ею принесенные, образуют тот кровавый капитал, которым живут большевики. Но, появились новые черты, которые нужно признать результатом не самой революции, а войны. Образовался милитаристический тип, которого раньше не было, но который вовсе не есть новый человек. Типы человека много раз видоизменялись в истории. В России за XIX и XX вв. много раз видели претензии появления нового человека, почти каждое десятилетие. И обыкновенно была смена более мягкого типа более жестким типом: идеалиста 40-х годов — мыслящим реалистом 60-х годов, народника — марксистом, меньшевика — большевиком, большевика-революционера — большевиком-строителем. Это обыкновенно происходило через психологическую реакцию. Но в сущности нового человека не появлялось. Наибольшую новизну представляет появление в мире человека технического. Но это есть самое беспокойное явление, и оно проливает свет на возможности рождения нового человека.

Революции глубоко присущи исторической судьбе народов. Можно удивляться, что существу-

ют еще люди, которые идеализируют революции и готовы видеть в грядущих революциях торжество высокого и прекрасного. Революции, все революции, обнаруживают необыкновенную низость человеческой природы многих на ряду с героизмом немногих. Революция — дитя рока, а не свободы. И надо понять роковое в революции, чтобы ее понять. Революция в значительной степени есть расплата за грехи прошлого, есть знак того, что не было творческих духовных сил для реформирования общества. Поэтому нельзя ждать от революции явления нового человека. Мститель за зло прошлого не есть новый человек, это еще старый человек. Революция есть слово многозначное и им страшно злоупотребляют, вкладывая в это слово разный смысл. Если под революцией понимать совершаемые в известный исторический день насилия, убийства, кровопролития, если понимать под ней отмену всех свобод, концентрационные лагеря и пр., то желать революции нельзя и нельзя ждать от нее явления нового человека, можно только при известных условиях видеть в ней роковую необходимость и желать ее смягчения. Если же под революцией понимать радикальное изменение основ человеческого общества и отношений людей, то революцию надо желать и готовить ее. Но идолопоклонство перед революцией есть такая же ложь, как и всякое идолопоклонство. Во всяком случае радикальные и глубокие изменения и улучшения не зависят от степени совершаемых кровавых насилий. Ганди был более революционер, чем Ленин и Сталин, если под революцией понимать явление нового человека. Явление действительно нового человека, а не изменение лишь одежд, предполагает ду-

ховное движение и изменение. Без существования внутреннего духовного ядра и творческих процессов в нем происходящих, никакой новый социальный строй не приведет к новому человеку. Материализм признает лишь внешнее и отрицает внутреннее. Материалисты не понимают даже о чем говорят, когда говорят о внутренней жизни, о духовной жизни. Они находятся в таком же состоянии, как слепой, который не видит красок и цветов. Корректив, который привносит диалектический материализм к материализму механическому, к демокритовскому, началу атомных движений вследствие толчка извне, нисколько не помогает. Человек остается существом целиком детерминированным природой и социальной средой. Но в революции есть еще другая сторона, связанная со временем. Революция поет: *"du passé faisons table rase"*. Революционность определяется радикальным уничтожением прошлого. Но это иллюзия революции. Яростное уничтожение прошлого есть как раз прошлое, а не грядущее. Уничтожить можно лишь прогнившее, изолгавшееся и дурное прошлое. Но нельзя уничтожить вечноценного, подлинного в прошлом. Идеализация прошлого есть такая же ложь, как и идеализация грядущего. Подлинная ценность не зависит от времени, она от вечности. Есть опасность, что новый человек может оказаться выброшенным во вне, отчужденным от самого себя, обращенным исключительно к материальной стороне жизни, к технической цивилизации. Поразительно, что новый человек Советской России может оказаться очень похожим на нового человека столь враждебного ей мира Америки. Такой производственный, технический человек может одинаково явить-

ся и на почве коммунизма и на почве капитализма. Наиболее положительные черты русского человека, обнаружившиеся в революции и войне, необыкновенная жертвенность, выносливость к страданию, дух коммюнитарности, — есть черты христианские, выработанные христианством в русском народе, т. е. прошлым.

Коммунистические черты нового человека, порожденные не столько свободой, сколько фатумом, вызывают скорее отрицательную оценку. Новый человек поклоняется идеалу или идолу производительности, превращающему человека в функцию производства, поклоняется силе и успеху, беспощаден к слабым, он движим соревнованием в борьбе и, что самое важное, в нем происходит ослабление и почти уничтожение духовности. Новый человек хочет закрыть в себе бесконечность и укрыться в конечном. Он думает достигнуть этим максимума активности. Новый человек посясторонен, он отрицает потусторонность. Он гордится больше всего тем, что совершенно свободен от трансцендентности. Это значит, что новый человек хочет окончательно водвориться в царстве Кесаря и окончательно отвергнуть царство Духа. Он монист и в этом его коренная ложь. Это совсем не новый человек. Это лишь одна из трансформаций ветхого Адама, в нем остаются все инстинкты ветхого Адама. Весь мир должен пройти через социальное переустройство, через интенсивное материальное строительство. Процесс этот будет сопровождаться погружением в материльную сторону человеческой жизни, которая требует большей организованности. Но это совсем не будет непременно означать появление нового человека, это может происходить под знаком ветхого Ада-

ма. Этот ветхий Адам будет более социальным, он должен будет социализоваться. Этот процесс в разных формах уже происходил в истории человеческих обществ. Буржуа, гражданин царства Кесаря, от этого не исчезнет. От этого произойдет лишь более справедливое и равномерное распределение буржуазности. Та справедливость, которая в этом будет заключена, должна быть принята и приветствована. Но это не будет последним словом. Человек всегда имел склонность принимать средства жизни за цели жизни. Так называемый новый человек эпохи, завтрашнего дня будет иметь склонность окончательно принять средства жизни за цели жизни. Цели жизни для него закроются. Поэтому он будет считать себя коллективным и в этом увидит новизну. Но после необходимого процесса социализации начнется процесс индивидуализации. Если его не будет, то человек как личность исчезнет. Но внутренняя духовность человека не может быть задавлена, как бы на него ни давила жестокая необходимость, духовная жажда в нем пробудится. Мы увидим в следующей главе, какое значение тут имеет проблема смерти, перед которой он поставлен. Вечный человек, человек обращенный к вечности и бесконечности, есть вечное и бесконечное задание, он есть вместе с тем и вечно новый человек. Вечный человек не есть готовая данность, его нельзя понимать статически. Новый человек, действительно новый человек, есть реализация вечного человека, несущего в себе образ и подобие Божие. В человеке есть божественная основа, Grund, о которой так хорошо говорил Таулер. Поэтому, обращенность к грядущему связана с тем, что было вечного в прошлом. Досто-

инство человека требует, чтобы он не был рабом быстротечного времени. Новый человек может быть только творческим человеком и потому обращенным к грядущему, к небывшему. Это есть ответ на Божий призыв. Но творчество не может быть отождествлено с трудом. Труд есть основа человеческой жизни в этом мире. Труд принадлежит царству необходимости (“в поте лица будешь добывать хлеб свой”), он принадлежит царству Кесаря. Достоинство труда должно быть повышено. Отсюда значение, которое приобретают трудящиеся, отсюда необходимость победить эксплуатацию труда, т. е., религиозная правда социализма. Творчество же принадлежит к целям жизни, оно принадлежит к царству свободы, т. е., к царству Духа. Цели жизни не могут быть подчинены средствам жизни, свобода не может быть подчинена необходимости, царство Духа не может быть подчинено царству Кесаря. Отсюда религиозная правда персонализма.

ГЛАВА XI.

Трагедия человеческого существования и утопия. Сфера мистики

Более интеллектуальные марксисты говорят, что они преодолеют и уничтожат трагизм человеческого существования и сделают это без всякого мифа, как делало это христианство. Это, кажется, самая большая претензия марксизма. Марксисты напрасно думают, что они могут обойтись без мифа, они проникнуты мифами, как это уже было сказано. Марксизм не есть социальная утопия, возможен опыт реализации марксизма в социальной жизни. Но марксизм духовная утопия, утопия совершенной рационализации всей человеческой жизни. Он есть духовная утопия, претендующая ответить на все запросы человеческой души именно потому, что он претендует победить трагизм человеческой жизни. Только потому, что человек отчужден от самого себя и выброшен во вне, может явиться претензия победить трагизм человеческого существования внешней социальной организацией жизни. Наиболее жалка и низка претензия победить трагизм смерти, главный трагизм человеческого существования. Это достигают через потерю памяти смертной, через окон-

чательное погружение человека в жизнь коллектива вплоть до уничтожения личного сознания. В действительности верно обратное тому, что говорят марксисты и на что они рассчитывают. Более справедливый и более усовершенствованный социальный строй сделает человеческую жизнь более трагической, не внешне, а внутренне трагической. В прошлом были трагические конфликты, которые зависели от бедности и необеспеченности жизни, от предрассудков сословий и классов, от несправедливого и унижительного социального строя, от отрицания свободы. Эти трагические противоречия преодолимы. Трагические конфликты Антигоны и Креона всетаки связаны с социальным строем и социальными предрассудками, так же как и трагическое положение Ромео и Жюльеты, драма Тристана и Изольды. Можно даже было бы сказать, что чистый внутренний трагизм человеческой жизни не был еще выявлен, т. к., в трагизме прошлого слишком большую роль играли конфликты, порожденные социальным строем и связанными с этим строем предрассудками. Если любящий не может соединиться со своей любимой, потому что они принадлежат к разным сословиям или слишком велико различие в их материальном положении и родители ставят непреодолимые препятствия, то это может быть очень трагично, но это не есть выявление внутреннего трагизма человеческой жизни в чистом виде. Чистый внутренний трагизм является в том случае, когда обнаруживается безысходный трагизм любви, корнящийся в самой природе любви, независимо от социальной среды, в которой людям приходится жить. Внешние источники трагических конфликтов могут быть устранены социальным

строем, более справедливым и свободным, преодолением предрассудков прошлого. Но тогда-то, именно тогда, человек будет поставлен перед чистым трагизмом жизни. При социалистическом строе трагизм жизни очень увеличится. Социальная борьба, отвлекающая человека от размышления над своей судьбой и смыслом своего существования, уляжется, и человек будет поставлен перед трагизмом смерти, трагизмом любви, трагизмом конечности всего в этом мире. Весь трагизм жизни происходит от столкновения конечного и бесконечного, временного и вечного, от несоответствия между человеком, как духовным существом, и человеком, как природным существом, живущим в природном мире. Никакой усовершенствованный социальный строй не может этому помочь, наоборот, он выявляет столкновение и несоответствие в более чистом виде. И самый большой, самый предельный трагизм, есть трагизм в отношении человека к Богу. Оптимистическая, бестрагичная теория прогресса, которую разделяют и марксисты, представляет собой безысходную в ее предельном противоречии трагедию смертоносного времени, превращающую людей в средство для грядущего. Разрешена она могла бы быть лишь в христианской вере в воскресение.

Утопии играют опромную роль в истории. Их не следует отождествлять с утопическими романами. Утопии могут быть движущей силой и могут оказаться более реальными, чем более разумные и умеренные направления. Большевизм считали утопией, но он оказался реальнее, чем капиталистическая и либеральная демократия. Обыкновен-

но утопией называют неосуществимое. Это ошибочно. Утопии могут осуществляться и даже в большинстве случаев осуществлялись. Об утопиях судили по изображению совершенного строя Томасом Мором, Кампанеллой, Кабэ, и др., по фантазиям Фурье. Но утопии глубоко присущи человеческой природе, она не может даже обойтись без них. Человек, раненый злом окружающего мира, имеет потребность вообразить, вызвать образ совершенного, гармонического строя общественной жизни. Прудон с одной стороны, Маркс с другой стороны, должны быть признаны в той же мере утопистами, как Сен-Симон и Фурье. Утопистом был и Ж. Ж. Руссо. Утопии всегда осуществлялись в извращенном виде. Большевики утописты, они одержимы идеей совершенного гармонического строя. Но они также реалисты и в качестве реалистов они в извращенной форме осуществляют свою утопию. Утопии осуществимы, но под обязательным условием их искажения. Но от искаженной утопии всегда остается и что-нибудь положительное. Но в чем заключается существенное свойство утопии, в чем ее противоречивость и что в утопии недостаточно принимают во внимание? Думаю, что совсем не неосуществимость и видение грядущей гармонии является главным бесспорным свойством утопии. Человек живет в раздробленном мире и мечтает о мире целостном. Целостность есть главный признак утопии. Утопия должна преодолеть раздробленность, осуществить целостность. Утопия всегда тоталитарна и тоталитаризм всегда утопичен в условиях нашего мира. С этим связан самый главный вопрос — вопрос свободы. В сущности утопия всегда враждебна свободе. Утопии Томаса Мора,

Кампанеллы, Кабэ и др. не оставляют никакого места для свободы. Парадоксально можно было бы сказать, что свобода, свободная жизнь оказывается самой неосуществимой утопией. Свобода предполагает, что жизнь не окончательно регулирована и рационализирована, что в ней есть зло, которое должно быть побеждено свободным усилием духа. С этими свободными усилиями социальные утопии не считаются, совершенство и гармония осуществляются не через свободу. Мы встречаемся тут с парадоксом исторического движения. В истории действуют иррациональные силы, с которыми мало считаются сторонники разумной политики. Но как раз иррациональные, стихийные силы могут принять формы крайней рационализации. Таковы свойства революции. Революция всегда лишь результат взрыва иррациональных сил. И вместе с тем революция всегда стоит под знаком рациональных идей, тоталитарной рациональной доктрины. То, что называется безумием революции, есть рациональное безумие. Миф революции, которым она движется, есть обыкновенно рациональный миф, он связан с верой в торжество социального разума, с рациональной утопией. Эта движущая сила рационального мифа огромна. Как уже было сказано, революция двойственна по своей природе и двойствен революционный миф.

Про революции одинаково нужно сказать, что они осуществимы и неосуществимы. Они настолько осуществимы, что их почти невозможно остановить. И они неосуществимы потому, что в них никогда не реализуется то, к чему стремилось первое поколение делавших ее революционеров. Так всегда происходит. Это не значит, что революции происходят

в пустоте и есть лишь кипение страстей. Революция огромный опыт в жизни народов и она оставляет неизгладимые социальные последствия. Но это совсем не то, о чем мечтали. Революция, удавшаяся революция, есть всегда неудача, как неудачей надо признать все религиозные революции истории, может быть более всего христианство. Поэтому революция должна вызывать двойственное к ней отношение. Ей нельзя поклоняться как богине. Социальная утопия всегда заключает в себе ложь и вместе с тем человек в своей исторической судьбе не может обойтись без социальных утопий, они являются движущей силой. Революционный миф всегда заключает в себе бессознательный обман и вместе с тем без революционного мифа нельзя делать революций. Поэтому история заключает в себе непреодолимый трагизм. В чем заключается ошибка социальных утопий? Почему их осуществление — а осуществление их возможно — совсем не есть осуществление того, к чему стремились и за что боролись, принося страшные жертвы? Социальная утопия Маркса, не менее чем Фурье, заключает в себе идею совершенного, гармонического состояния общества, т. е., веру в то, что таким может быть царство Кесаря. Но это и есть коренная ошибка. Совершенным и гармоничным может быть лишь царство Божие, царство Духа и не может быть царство Кесаря; мыслить его можно лишь эсхатологически. Совершенный и гармоничный строй в царстве Духа вместе с тем будет царством свободы. Совершенный же и гармонический строй в царстве Кесаря будет всегда истреблением свободы, что и значит, что он не может быть осуществлен в пределах этого мира. Необходимо понять

с этой точки зрения социализм. Социализм есть социальная утопия, и он опирается на мессианский миф. В этом смысле он никогда не будет осуществлен в пределах этого мира, в царстве Кесаря. Но с другой стороны социализм есть суровая и прозаическая реальность, есть необходимость в известный час истории. В этом смысле социализм, вне утопии и мифа, есть очень элементарная и маленькая вещь — устранение безобразной эксплуатации и непереносимых классовых неравенств. Поэтому можно сказать, что мир вступает в социальную эпоху. Это должны признать и те, которые не верят в утопию и миф, столь необходимые для борьбы. Социалистическое общество, которое в результате образуется, не будет ни совершенным, ни гармоничным, ни лишенным противоречий. Трагизм человеческой жизни в нем еще возрастет, но станет более внутренним, углубленным. Явятся новые противоречия, совсем иные. Борьба будет продолжаться, но примет иное направление. Именно тогда начнется главная борьба за свободу и за индивидуальность. Царство мещанства окрепнет и его блага получают всеобщее распространение. И предстоит напряженная духовная борьба против царства мещанства. Борьба за большую социальную справедливость должна происходить независимо от того, во что выльется царство Кесаря, которое не может не быть мещанским царством и не может не ограничивать свободы духа. Окончательная победа царства Духа, которая ни в чем не может быть отрицанием справедливости, предполагает изменение структуры человеческого сознания, т. е., преодоление мира объективации, т. е., может мыслиться лишь эсхатологически. Но борьба против власти объекти-

вазии, т. е. власти Кесаря, происходит в пределах царства объективаций, от которого человек не может просто отвернуться и уйти. Мы подходим к последней сфере мистики, которой я хочу посвятить специальную книгу. В мире создается ложная форма мистики, которую нужно разоблачать. Наряду с этим существуют старые формы мистики, и пока еще немногие обращены к новой форме мистики, мистики грядущего.

Существует много типов мистики. Слово это можно употреблять в более широком и более узком смысле. Во Франции сейчас слово мистика употребляется в столь широком смысле, что оно теряет свой старый смысл. Это походит на употребление слова революция. Но во всяком случае сфера мистики означает сферу предельную, выходящую за границы объективного, объективированного мира. В прошлом существовало много типов мистики. Христианство, употреблявшее это слово в более строгом смысле, называло мистикой лишь путь души, который вел к соединению с Богом. Гёррес, написавший в первой половине XIX в. многотомное сочинение о Мистике, предлагает различать мистику божественную, мистику натуральную и мистику диавольскую. Я не предполагаю следовать в этом за ним. Можно дать философское определение мистики, объединяющее ее разнообразные формы. Мистикой можно называть духовный опыт, выходящий за пределы противопоставления субъекта и объекта, т. е., не подпадающий власти объективации. В этом существенная разница между мистикой и религией. В религиях духовный опыт объективирован, социализирован и организован. Предлагаемому опреде-

лению мистики подпадает и лжемистика, которая по сознанию людей не допускает существования Бога и Духа. Особенно это надо сказать про мистику коллективизма, которая сейчас играет большую роль. Но самое существенное в мистике коммунизма то, что это мистика мессианского типа. Она выходит за пределы объективированного мира, изучаемого наукой. Она покоится на коллективном опыте, в котором нет противоположения субъекта и объекта. Это характерный тип ложной мистики. Также ложной была старая мистика сакральной монархии, а также более новая, но уже постаревшая мистика демократии якобинско-русоистского типа. Ложной является также натуралистическая, дионистического типа мистика, которая преодолевает противоположение субъекта и объекта не вверх, а вниз. Это мистика не сверхрациональная, а иррациональная, не сверхсознательная, а бессознательная. В ней есть притяжение низшей бездны. Ложь коллективизма, натурализма или социализма, в которых исчезает личность и образ человека, может порождать разнообразные формы мистики. Подлинная мистика духовна и означает духовный опыт, в котором человек не подавлен объективацией.

Ортодоксальные теологические доктрины объективируют благодать и рассматривают ее как силу, идущую сверху, извне. Но для мистики благодать есть обнаружение из глубины, из первооснов божественного начала в человеке. Объективированная благодать оставляет противоположение субъекта и объекта. Мистический духовный опыт символизируется в организованной религии. И очень важно понять этот символический характер; это понимание ведет к духовному углублению.

Экстаз, который считают характерным для некоторых форм мистики, есть выход из разделения на субъект и объект, есть приобщение не к общему и объективированному миру, а к перво-реальности духовного мира. Экстаз есть всегда выход за пределы того, что поработщает и подавляет, есть выход к свободе. Мистический выход есть духовное состояние и духовный опыт. Мистика, которая не есть углубленная духовность, есть лже-мистика. Таковы коллективные формы мистики, космические или социальные. В прошлом можно установить три типа мистики: мистика индивидуального пути души к Богу, это наиболее церковная форма; мистика гностическая, которую не следует отождествлять с гностикami-еретиками первых веков, это мистика обращена не к индивидуальной только душе, но также к жизни космической и божественной; мистика пророческая и мессианская, — это мистика сверхисторическая и эсхатологическая, предела конца. Каждый из этих типов мистики имеет свои границы.

Мир через тьму идет к новой духовности и новой мистике. В ней не может быть аскетического мирозерцания, отворачивания от множественности и индивидуальности мира. В ней аскеза будет лишь методом и средством очищения. Она будет обращена к миру и людям, но объективированный мир она не будет считать подлинным миром. Она одновременно будет более обращена к миру и более свободна от мира. Это процесс духовного углубления. В новой мистике должен быть силен профетически-мессианский элемент и в ней должен раскрыться подлинный гнозис, который не будет заключать в себе космического прельщения старых гностиков. И все мучительные

противоречия и раздвоения найдут себе разрешения в новой мистике, которая глубже религии и должна объединить религии. Это вместе с тем будет победа над ложными формами социальной мистики, победа царства Духа над царством Кесаря.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
От Издательства	5
Гносеологическое введение: Борьба за истину	7
Гл. I Человек и Бог. Духовность	27
Гл. II Человек и космос. Техника	37
Гл. III Человек и общество. Социализм ..	48
Гл. IV Человек и Кесарь. Власть	59
Гл. V Об иерархии ценностей. Цели и средства	74
Гл. VI Противоречия свободы	89
Гл. VII Коммюнитарность, коллективизм и соборность	103
Гл. VIII Противоречия марксизма	113
Гл. IX Единство человечества и национализм	136
Гл. X О вечном и новом человеке	145
Гл. XI Трагедия человеческого существования и утопия. Сфера мистики ..	155

